

Г.А. Бондарев

О положении в Антропософском Обществе

Приложение к двухтомнику "Антропософия на скрещении
окультно-политических течений современности", Москва, 1996

"Жатвы много, а делателей мало" (Мф. 9, 37)

Опыт России должен стать поучительным для западных антропософов. Когда в 1923-24 годах большевики под разными предлогами начали отказывать Антропософскому Обществу в перерегистрации, то это не означало, что оно непременно должно было самораспуститься. М.Н.Жемчужникова пишет, что было подано прошение о регистрации, "в положенный срок пришел ответ, конечно, отрицательный". ([*1](#)) От нескольких очевидцев тех событий, в том числе и от М.А.Скрябиной, я слышал, что прямого запрета Общества не было. Большевики потребовали, чтобы все старые общества перерегистрировались, и когда АО посылало свои документы, то их возвращали на основании различных бюрократических придирок. В конце концов сами антропософы решили прекратить хлопоты. А почему? — На этот вопрос, хотя и косвенно, Жемчужникова также дает ответ. Она пишет, что в Обществе были люди, которые считали, что "антропософия не враждебна советской власти, она видит величие ее задач"! ([*2](#))

Талантливо в литературной форме причины роспуска Антропософского Общества в Москве описал Николай Белоцветов в своем романе "Михаил". [*примечание автора*: к Н.Н.Белоцветову у антропософов должно быть дифференцированное отношение. Он очень тяжело, трагически пережил эмиграцию, разлуку с Россией и, живя в Европе, допустил ряд ошибок в своих духовнонаучных взглядах, исследованиях. Но в России это был едва ли не единственный человек, разглядевший оккультную природу большевизма. Роман "Михаил" он, к глубокому сожалению, уничтожил по совету друзей, боявшихся за судьбу людей, оставшихся в России. Но были изданы отдельные главы романа под общим заглавием "Коммуна пролетарских миссионеров". Такое название, как стоит в романе, большевики советовали московским антропософам дать своему обществу, чтобы привести его цели в созвучие с "величием задач" новой власти]. — Оппортунизм его членов, заигрывание с новой властью и весьма туманные представления об оккультизме и его политической разновидности, — вот те причины, в силу которых было принято решение самораспуститься.

В Обществе оказалось слишком много оккультистов иной ориентации, на "иных" путях готовивших приход большевиков — как метафизической силы — к власти. Такие люди еще до революции заполнили Общество подобно балласту, а в ответственный момент повлияли на принятие рокового решения.

Почему это нужно знать антропософам на Западе? — Да потому, что с введением "нового

мирового порядка" опять предстоит некоего рода "перерегистрация".

На уровне идеологических установок она уже идет. Решающую роль в ней играют "наши" "атлантисты". Не исключено и другое, что Европа все-таки будет распространена "От Дублина до Владивостока". Тогда решающее слово в нашей среде скажут "евразийцы", но нам, антропософам, не нужно ни того, ни другого. И потому необходимо понять, что человек из ложи или из ордена остается в первую очередь послушен своему тайному начальству, когда речь заходит о стратегии. В нашей же среде он никому и ничем не обязан. Порука, которой связаны эти люди, позволяет им эффективно коррумпируют отношения в Антропософском Обществе.

Говоря об этом, я никого не призываю ходить теперь и всматриваться в лица, выискивать "тайных агентов" и прочее. (Хотя разбираться в людях все-таки нужно). Нет, я призываю к другому: 1) давайте просто понимать происходящее; 2) давайте строить в Обществе здоровую, свободную духовную жизнь, тогда никакая "инфекция" не будет нам страшна.

Ведь говорит же Рудольф Штайнер, что, например, иезуиты не страшны, если их работе с такой же интенсивностью противопоставлена другая, созидательная, совершаемая с глубоким пониманием работа. Положение становится опасным лишь тогда, когда один держится, а другой терпит от них поражение (это высказывание я уже приводил).

Наконец, всем необходимо осознать то положение, в котором мы находимся де-факто, что, с одной стороны, над нами нависает угрюмый, все затормаживающий "сфинкс" политизированного католицизма, а с другой — левые "братья" ведут пропаганду панамериканизма, мировой революции, нравственной распущенности, якобы выражающей "свободу". В 1989 г. я был свидетелем того, как пышно во Всемирном АО был отпразднован юбилей французской революции. Мне довелось слышать лекции на уровне того политпросвещения, которое в Союзе получают школьники 5-6-х классов. И вообще, это было ошеломляющее зрелище: уехать из Союза, где день французской революции входит в перечень ежегодных праздников марксистско-ленинского вероисповедания, и наткнуться на то же самое в свободной Европе. Впрочем, не совсем на то же самое, — было значительно лучше видно, что это масонское празднество, и оно было проведено в АО. Нормальные антропософы молча наблюдали за ним и лишь в редких случаях пытались напомнить о том, как к той революции отнесся Сен-Жермен, что о ней говорил Рудольф Штайнер. В таких случаях угрюмо выжидали "братья" — в 1989 г. подобные "выходки" им еще приходилось терпеть.

Довелось увидеть и более того, как некие люди выходят на сцену Гетеанума и делают перед всем залом те знаки, с помощью которых члены лож узнают "своих". Однажды с помощью таких знаков старший по градусу представлял публике младшего как нового антропософского функционера.

Мои хождения по антропософским издательствам и редакциям, в надежде что-то опубликовать, показали мне, что большинство из них уже имеет те "вторые двери", о которых говорил Рудольф Штайнер. Единому управлению — идеологическому, не финансовому — подчинены и многие книжные магазины. В одном из них мою брошюру

хотя и взяли на продажу, но сунули под прилавок. Пришлось все экземпляры забирать обратно. При этом в одном из них оказался формуляр на брошюру с приклеенной к нему запиской: "Держать на складе, продавать только по требованию (на прилавок не выставлять)". Внизу число: 21.7.92, и подпись.

Так надевают узду на свободную духовную жизнь в Обществе. А без нее никакой Антропософии быть не может. Я даже доказывать этого не стану.

Но я не склонен вину за все огрехи антропософского бытия валить на членов тайных обществ и орденов. Они лишь, так сказать, извлекают логические следствия из того, что мы порождаем сами, наподобие того, как микробы постоянно присутствующие повсюду, лишь ослабленный организм приводят к болезни. Имея дело с оккультизмом, где мысль, чувство и воля приобретают повышенную реальность, насыщаются элементарными существами, мы даем чрезмерную волю дурным наклонностям и инстинктам, за каждым из которых стоят люциферические или ариманические существа. В результате с годами в человеке происходит не укрепление, а ***подмена "я"***. Мы говорим о препятствиях, которые в цивилизации ставятся на пути души сознательной, сами же все ***погружаем в стихию души ощущающей***. — Да, познаем мы в душе сознательной. Иначе Духовной науки совсем не понять. Но что с познанным мы делаем потом?

[*примечание автора:* Нельзя осветить положения в АО, не рассказывая о том, что в нем происходит. Но я ограничиваюсь лишь отдельными и далеко не самыми вопиющими, за исключением двух-трех, примерами. Чтобы рассказать обо всем, что многие годы творится в нашем Обществе и теперь перекидывается на Восток, потребовалось бы писать отдельную книгу, за которую сам я не взялся бы. С помощью приведенных примеров я хочу показать лишь одно, что если и дальше будет твориться все то, что творится до сих пор в нашей среде, на что я указываю лишь частично, то АО просто не смеет дальше существовать. Оно профанирует Антропософию. Опыт "антропофизации" России и, видимо, также и других стран Восточной Европы, показывает, сколь сильны, активны, предприимчивы силы, чуждые Антропософии в среде Всеобщего АО, — сами они, как таковые, и люди, захваченные ими.]

- На каждом шагу встречаешь пожилых и даже старых людей, сохранивших всю непосредственность подросткового эгоизма, честолюбия, неспособности ценить кого-либо другого, кроме самого себя. Стоит любому из них бросить пару дешевых комплиментов, и он готов часами самореализоваться перед тобой, но если проявишь хотя бы крупницу самостоятельности, то от тебя вся эта "детвора" вмиг отвернется. А потому всякому, кто желает властвовать, необыкновенно просто в нашей среде. Необходимо лишь учредить "командный пункт" и дозированно, из одних рук начать выдавать "талоны" на "самореализацию" — и тут же увидишь перед собой чреду преклоненных колен. Возникнет конкуренция, а с нею чиновничество, заискивание и т.п. А тогда играй на слабостях, дурных наклонностях и правь безраздельно. Но что говорить об этом мне,

когда сам Рудольф Штайнер сетовал: "...как много болтовни, беса высокомерия и душевного эгоизма многообразно проявляется в том, что по большей части совершенно честно примыкает к этому духовнонаучному Движению" (197; 13.VII).

[*примечание автора*: И все-таки то, чем возмущался Рудольф Штайнер, было прямо-таки "романтикой" по сравнению с "прозой" "беса высокомерия" наших дней. Читатель, вероятно, помнит мой рассказ об убиении свиньи на московском телевидении. Не обошлась без этой темы и наша, антропософская печать. В №27 "Гетеанума" (за 1992 г.) помещена заметка о русской литературе. В ней "сердобольная" антропософка с сочувствием цитирует писателя Горенштайна, якобы особенно глубоко понявшего "русскую душу". Встретил он однажды "безликую старую женщину", которая, рассказывает антропософка, за неимением сумки, прижимала к груди огромную свиную голову. "Писатель был потрясен, подобием их (свиньи и женщины) лиц. Оба безжизненные и тупые". Я бы посоветовал антропософке приглядеться к лицу самого Горенштайна.]

Вместо того, чтобы прислушаться к тому, что Рудольф Штайнер сформулировал как те минимальные и совершенно необходимые требования к самоорганизации человеческой природы, не выполнив которые, люди просто не смеют всерьез заниматься Антропософией и тем более — создавать общества и развивать практические инициативы, — мы десятилетиями изоощряемся в поиске убедительных индульгенций, используем Духовную науку, учение о карме и т.д., для реабилитации своих пороков, для отстаивания права ничего не делать с собой. На этом пути мы дошли до того, что изобрели новую специальную "науку", которую я бы назвал "скандалологией" — "науку" о невозможном: как, распуская себя, потакая своим страстишкам, давая волю низшей природе, осуществлять в себе высшее развитие.

Как свидетельствует Адельхайд Петерсен, Рудольф Штайнер считал Антропософию "опасным делом" для тех, кто относится к ней с недостаточной серьезностью. (*3) Что это так, убеждаешься на каждом шагу, особенно в Дорнахе. Там, увы, совсем нередко встречаешь людей, внутреннее состояние которых приняло характер духовной катастрофы. Это люди, споткнувшиеся на оккультном пути, на который они ступили, не отдавая себе в том ясного отчета. ***В полубессознательном состоянии они заглянули за Порог вопреки воле Стража Порога и потому оказались частично парализованными в своем я-центре.*** А дальше пережитое фиаско приняло хронический характер.

Духовная жизнь и даже атмосфера в Дорнахе необычайно насыщены. Они насыщены колоссальной борьбой духов, борьбой, в которой перевес с годами все больше остается на стороне недобрых сил. **Мы постепенно проигрываем Дорнах духовно**, потому и внешне он уходит из наших рук. Оттого атмосфера делается нездоровой. А чего вы хотите? — В России говорят, что в опустевшем храме заводятся бесы. В Дорнахе был основан центр, где должны были быть обновлены Мистерии, создана школа нового христианского

посвящения. Все 77 лет, протекшие после смерти Рудольфа Штайнера, антропософы лишь удаляются от этой цели. И потому неизбежно возрастает демонизация отношений. Всякий беспечный, неосторожный, поверхностный человек неизбежно падает их жертвой. Повторяется старая история: начинают за здоровье, кончают за упокой.

Я ни в коей мере не сторонник пренебрежительного отношения к моим собратьям по духовной работе. Потому я и решаюсь говорить правду в глаза. Меня глубоко огорчает встреча с каждым, кто стал "инвалидом духа" и кому уже нельзя помочь. Во мне тогда возникает острое желание что-то изменить, чтобы в нашей среде с первых же шагов и уму, и сердцу человека становилось ясно, что и для чего он делает, чтобы его окружали люди, заинтересованные больше в его, чем в своем развитии. "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15; 13), — вот принцип антропософских отношений.

Известно, что особенно эффективно в мире действуют те силы, которые, потакая человеческим слабостям, формируют определенный *образ жизни*. Тогда многое совершается как бы само по себе. Но аналогично этому следует поступать и в отношении здорового развития. Человеческое сообщество держится именно силой добрых традиций, правил, законов. Когда-то они были обдуманы, найдены здравыми и приняты для всеобщего употребления. Зная об этом, враг человеческий стремится больше всего разрушать добрые традиции и на их место внедрять свои. При этом он пользуется тем, что время от времени даже хорошие правила нуждаются в поправке, акроме того, высшая цель человека состоит в том, чтобы моральные нормы рождались из себя. Дух лжи и поощряет нас *сразу же начать с высшей цели*, что на деле оборачивается произволом низшей, неочищенной природы души.

Когда мы собираемся вместе и занимаемся Антропософией, то непременно все должны иметь силу подняться в душу сознательную. Но долго удерживаться в ней мы не можем. Так вот, в остальное время люди могут держаться силой *укоренившихся* добрых привычек, традиций, обыкновений. Однако мы десятилетиями упускаем обогащать ими нашу совместную жизнь. У нас много говорится о высших целях, в повседневной же жизни отбрасываются порой даже те правила, тот уровень такта, элементарной порядочности, нравственного вкуса, которыми еще живет окружающий мир.

Противная сторона пользуется нашими промахами. Ею было хорошо распознано, что споткнувшийся на Пороге не выносит самосознающей, автономной личности. Против нее восстанут все засидевшиеся в нем демоны. Одновременно такой человек беспомощен перед каждым, кто может "взять его за воротник", поскольку слаб и только ищет, к кому бы прислониться. На таком принципе строится стиль поведения "руководителей" — не только в нашей среде, но повсюду в мире, ибо *распад личности является главной и самой массовой бедой всей цивилизации*. Мы в этом смысле имеем лишь свою специфику, вместо того, чтобы быть обществом по-настоящему духовно сильных и свободных людей. Укреплению такой "специфики" служит многое, например, выработанная форма доклада: он должен быть поверхностным — за исключением цитат доктора — из него должно быть изгнано живое движение мысли, естественное вдохновение, экспромт. Доклад непременно должен быть подан в "хорошей упаковке", как

и все товары, потребляемые западным обществом.

Руководители наших отделений, ветвей и т.д. могут позволять себе все что угодно, если только вслух, пусть самым примитивным образом, они ратуют за миролюбие, положительность и т.п. Дозированно при этом полезно показывать и зубы: чтобы люди знали не только пряник, но и кнут.

Человек не зря назван *Homo sapiens*, — он великолепно поддается как воспитанию, так и дрессировке. Бывая в Дорнахе, я по некоторым лицам мог, как говорится, с точностью до нескольких "пунктов" определять "курс" моих "акций" в высоких "Вильгельм-сферах". Порою случалось так, что, скажем, вчера человек любезно раскланялся с тобой, сегодня, без всяких видимых причин, он может едва кивнуть тебе головой, а завтра вообще не увидеть тебя, глядя на тебя в упор. Вообще, в Дорнахе (о других местах пусть расскажут другие) расположение к тебе властей — залог дружеского расположения "общественности".

В результате долгого употребления всех этих и других, подобных им дурных манер, и сложилась та обстановка в Обществе, которую мы теперь имеем. Кто вырос и воспитался в ней, тот ее даже не замечает, как житель современного города не замечает, что дышит отравленным воздухом. Иное дело те, кто к ней не привык и привыкать не желает. Часто это оказывается молодежь, которая в поисках духа приходит в Общество. Однако и о себе скажу, что был травмирован ею и не ушел из Общества, в которое вступил, подвергая себя немалому риску, в 1970 г., только потому, что все-таки надеюсь на перемены к лучшему, хотя много-много раз мне говорили, что я просто наивен.

Я долго искал средств, чтобы выразить то общее впечатление, которое получаешь от жизни в нашем духовном центре. Одно время на ум приходило "фамусовское общество", но потом я понял, что феномен не совсем "литературен". В конечном счете, он более всего напоминает описанное в незаконченном полуутопическом романе Кафки "Замок". Да, я обнаружил, что в Дорнахе порою чувствую себя в какой-то мере в "метафизической" роли "землемера" — героя романа Кафки, сталкиваюсь с метафизической бюрократией и жертвами ее правления, которые ведут полуреальное существование. Кто читал роман, понимает, что я имею в виду.

Но не хочу писать только о Дорнахе. И в других местах довелось насмотреться на всякое. В одной очень трудной и ответственной антропософской инициативе мне рассказали о бухгалтере, который сам себе начислил зарплату на уровне управляющего крупного концерна и определил меру необременительного труда. Я спросил антропософов, почему они молчат. — Они ответили: "Он окружил себя людьми, которых задобрил подачками и добавками к зарплате. Если начать с ним борьбу, то рискуешь потерять работу". — Ну точь-в-точь как в Советском Союзе, в условиях *обобществленного производства!*

На молодежных конференциях, опять-таки не я один, но и другие, приезжающие из Союза, замечали поразительное сходство способа их проведения с комсомольскими съездами — вплоть до якобы "произвольного" выкрикивания лозунгов в разных частях зала. Лозунги же, как известно, вне зависимости от их содержания, действуют на сознание

погашающе. Я встречал "вожаков" антропософской молодежи, которые, воплотись они у нас, ручаюсь, стали бы крупными функционерами ЦК ВЛКСМ. А что говорить о тех верноподданических выражениях "любви" и "благодарности" власти за ее мудрое управление нами, с которыми вылезают на трибуну во время ежегодных генеральных собраний в Дорнахе или на страницах "Гетеанума" специально заготовленные для того люди! В Союзе с души воротило от такой изощренной, рафинированной подлости, так неужели будем терпеть ее в нашей среде?

Я бы не стал писать об этих совпадениях, если бы считал их случайными. Но они, к сожалению, глубоко симптоматичны. Приведу в пояснение еще один пример. Совсем недавно на глазах у всех членов Всемирного АО было совершено "аутодафе" над преподавателем вальдорфской школы Бернардом Шаубом. Он обвинялся в том, что посмел не так, как официально **дозволено**, бросить взгляд на немецкую историю. Я не буду сейчас касаться содержания книги Шауба "Орел и роза", поскольку этого не сделали и его критики. Все, что до сих пор написано против этой книги, представляет собой жалкий, "синюшный" лепет. Когда научно, с фактами в руках кто-нибудь покажет, что в ней ошибочно, тогда придет время заняться ее содержательным анализом. А сейчас я хочу обратить внимание только на то, как обошлись с автором. Это было **буквальным повторением тех приемов, с помощью которых КГБ расправлялось с диссидентами**, в защиту которых выступал Запад, в том числе и антропософы. Если у нас тот или иной человек решался посмотреть на какие-то вещи иначе, чем было позволено официальной идеологией, писал статью или книгу (опубликовать которую открыто было невозможно, поэтому она появлялась в "самиздате"), то через некоторое время официальные средства пропаганды замечали сочинение диссидента и устраивали ему погром. Содержание книги или статьи, естественно, никак не анализировалось по той причине, что в них содержалась правда. Случалось, что служащие режиму критики их даже не читали. После погрома собирался коллектив, в котором работал подвергнутый "всенародному" осуждению. Сотрудники в один голос заявляли, что не желают дальше работать и даже находиться вместе с "отщепенцем", что он позорит коллектив и всю страну, и весь народ и т.д. Человека изгоняли с работы. Потом следовал арест.

То же самое было проделано и с Шаубом. Вне всякого сомнения, кто-то из среды антропософов попросил швейцарских журналистов устроить обструкцию Шаубу по центральному телевидению Швейцарии. До того почву уже "взрыхлили" в антропософской прессе. После погрома на ТВ, собрались сотрудники той школы, где работал Шауб, и заявили (наверное единогласно), что он "позорит" ., и т.д. И тут же по страницам антропософской прессы торжествующе пронеслось: "уволен вчистую!" А как же иначе? Без кнута нельзя, а то подумают, что без конца будут одни только пряники. Я представляю, какая теперь волна страха прокатилась по рядам членов Антропософского Общества. Шауб пока не арестован — необходимый для этого закон в Швейцарии еще только ждут, ну и вообще, прошлое СССР — это пока что ближайшее будущее, а не настоящее Западной Европы.

[*примечание автора*: в "Инфо-3" было опубликовано письмо Бернарда Шауба, где он

разъясняет свою позицию и дает ответ критикам. Все, что стоит в том письме — абсолютная правда. Против нее нечего сказать. И потому остается лишь позорный поступок, совершенный одними с молчаливого согласия других. И в том поступке — знак новой грядущей напасти. Историю гонений на Бернарда Шауба могу дополнить случаем из собственной жизни. Когда вышла в свет моя брошюра "Голос с Востока", меня начали спрашивать: А тебя еще не исключили из Общества? А твою жену не выгнали из эвритмической школы? Такие вот настроения царят в АО. Люди в общем-то далеко не наивны. Беда лишь в том, что они позволили себя запугать.

Мы живем во времена гигантской мафизации всех общественных структур. Я не удивлюсь, если через некоторое время во всех западных странах в антропософских институтах смогут получать образование лишь "нужные" люди. Остальные же, особенно те, кто захотят туда приехать из Восточной Европы, просто не получают виз или столкнутся с другими непреодолимыми трудностями, например, от них будут требовать специального направления на учебу от своего Антропософского Общества и т.д. Нам тогда или уже теперь останется только удивляться, насколько синхронно работают посольские, фрэмдполицайские и антропософские власти.]

Я уже говорил, что Ариман и Люцифер именно в борьбе с *социальной трехчленностью* породили две гигантских ее карикатуры: большевизм и национал-социализм. Не следует удивляться, а нужно принять как должное следы этих карикатур, проступающие в самом АО. Это говорит об успехе тех сил в разрушении и Общества, и идеи социальной трехчленности. Та сторона действует активно, в то время как мы мечтаем или дружно выискиваем "наци" в наших рядах.

Я хотел бы обратить внимание антропософов еще на такой феномен. После смерти Рудольфа Штайнера в истории Всемирного Антропософского Общества возникает некий параллелизм с происходящим в Советском Союзе. Судите сами: 1) в середине 30-х годов в одном случае возникает пик репрессий, в другом — разрушительные конфликты; 2) от 50-х до начала 80-х в обоих случаях идет стагнация; 3) с приходом М. Горбачева в одном случае и М.Шмидта — в другом, начинается "перестройка"; при этом и М.Шмидт, и М.Горбачев, будучи выходцами из кругов *прежней* "номенклатуры", затевают что-то иное, разрушающее природу того, чем они взялись управлять.

Параллели в развитии процессов в ВАО и в бывшем СССР можно проследить и далее. Так, Горбачев, перестраивая старую систему, выступал в роли "традиционалиста" — постоянно делал уважительные жесты в сторону КПСС, идеологического "учения" и т. д. Пришедший ему на смену Ельцин отменил все прежнее целиком и пошел на полное разрушение страны, экономики под знаком якобы "обновления". Манфред Шмидт, перестраивая АО, также заявляет о себе как о "традиционалисте". Хотя бы на словах он выражает уважительное отношение к Рудольфу Штайнеру (правда, последнее время все меньше и меньше), позволяет себе цитировать его сочинения. Не исключено, что Антропософию он принимает всерьез, только пытается увести ее в иную, неведомую нам среду. Он оккультист, владеет методом массового внушения, который использует в своих

докладах. Но на смену ему может прийти и кто-нибудь другой. Не следует однако думать, что позиция его слаба, что у него недостаточно власти. Нет, замена, если она произойдет, будет, как и в случае Горбачев — Ельцин, носить характер политической "рокировки". В роли другого члена такой "рокировки" уже сейчас мог бы выступить господин N. Он является представителем, скажем, "экзотерического" направления, выступает за "деантропософизацию" Вальдорфской педагогики, зато, чтобы там даже слова такого не употреблялось. Он также "интернационалист" в "атлантистском" духе, выступает за веротерпимость вплоть до полного замалчивания факта существования Христианства.

Такое стало возможным благодаря предшествующему периоду стагнации, во время которого реальная Антропософия постепенно умирала в Дорнахе и в других центрах. Знаки этого — на каждом шагу, каждый многократно натывается на них повсюду. Вот малюсенький *тупичок* в Дорнахе, он носит имя Р.Штайнера. А чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что это именно тупик, в начале его годами висела табличка: "Прохода нет". Разве это не символ?

Однажды антропософы из Тбилиси посетили музей А.Стеффена. После интересной экскурсии они попросили экскурсовода: "Расскажите нам теперь о Рудольфе Штайнере, который жил в этом доме". Экскурсовод скороговоркой, не очень внятно пролепетал что-то в том роде, что, да, Штайнер жил в этом доме, но... вот Альберт Стеффен... и снова речь пошла о Стеффене. Экскурсанты еще раз повторили свой вопрос, но результат был тот же.

Я не хочу ничего плохого сказать об Альберте Стеффене. Это был незаурядный человек — поэт, драматург, оккультист. Я понимаю также, сколь много "объективных" фактов могут привести люди, объясняя сложившееся положение дел в Дорнахе, доказывая, что иначе и быть не могло, что все получилось как бы само собой и т.д. Однако не напоминает ли такое поведение проштрафившихся школьников? — Это в лучшем случае! А что получается в худшем?

Своей вершины, "зияющего" апогея пренебрежение к памяти Рудольфа Штайнера достигло в так называемом акте "перезахоронения" урны с его прахом. 20 ноября 1992 г., в сумерках члены правления Всемирного АО в сопровождении двух могильщиков с лопатами вынесли урну Рудольфа Штайнера из Гетеанума и зарыли в яму на склоне дорнахского холма возле здания, где находится издательство "Наследие". В №46 журнала "Гетеанум" (от 15 ноября) было объявлено, что встреча по случаю перезахоронения состоится 21 ноября. Но когда люди собрались на ту встречу, их поставили перед совершившимся фактом: сказали, что захоронение уже совершено. Было дано разъяснение в том роде, что якобы не хотели вызывать ажиотаж, привлекать внимание журналистов и т.п. Как оказалось, внимание их, действительно, не следовало привлекать, ибо прах был просто брошен в наспех вырытую яму и закидан кусками полусухой глины! Показывать такое журналистам было нельзя.

[*примечание автора*: Позже над ямой положили грязные бревна, а на них каменную

плиту, из которой прямо над могилой стали высекать надгробие. Каждый день после работы накапливался мусор, его смывали водой из шланга и все это стекало в могилу. Так продолжалось до середины сентября 1993 г., т.е. в течение почти года, 30 июня в ту же яму зарыли и прах Марии Штайнер. Дорнахский руководитель ветви г-н Хертч написал по этому поводу ("Гетеанум", №29/30), что видит в таком событии "хороший знак для будущего", но не уточняет, для кого и в каком смысле он "хороший". В то же время известно; что хорошо для господина Хертча, то плохо для Антропософии.]

В чем же была истинная причина такой скрытности и поспешности? Почти 70 лет урна стояла в Гетеануме. Неужели за это время нельзя было сначала приготовить место, а потом хоронить? Вопрос настолько естественный, что речь о нем завели сами участники совершенного бесчинства. В №6 "Гетеанума" от 10 февраля 1991 г. они писали, что урны будут преданы земле, но "прежде месту, где они будут захоронены... будет придан достойный вид". Да иначе среди людей как будто бы и не бывает? Так почему же не сделали все по-человечески? И почему все хранят об этом молчание?

[*примечание автора:* Среди антропософов встречается весьма своеобразная форма романтизма. Подверженные ему восклицают: ах, как это прекрасно — исчезнуть совсем, чтобы и пепел после твоей смерти по ветру развеяли! и т. п. С такими о надругательстве над прахом антропософов в Дорнахе лучше не говорить. Другое дело — официальная позиция. Кроме указанного признания, что хоронить следует достойно, имеется еще одно. В январе 1994 г. появился очередной номер "Гетеанума" (№4), специально посвященный ритуалу погребения. К журналу приложен каталог с фотографиями гробов, изготавливаемых в виде кристаллов с раскраской под халцедон, аметист, оникс. В статьях авторы пишут серьезнейшие вещи об эзотерическом, нравственном значении акта погребения. Что теперь скажут исполнители дорнахского "холокауста"? Видимо, только то, что до момента осквернения праха, хранившегося в Гетеануме, было безразлично, как с ним поступать, а вот после все изменилось, и когда начнут умирать они сами, то их следует хоронить в халцедоновых гробах.]

Когда министр культуры Армении посетил Дорнах и увидел ту яму, то в полном недоумении спросил: "Что же вы — своего Учителя достойно похоронить не можете?" — Так реагируют на увиденное обыкновенные, нормальные люди. А кто же тогда мы?

Вся духовная Россия (да и не только она) возводилась на почитании останков святых людей. Когда к власти пришли большевики, первым делом они постарались их осквернить. И это понятно. Святые оставляли после себя **нетленные тела, осененные Духочеловеком**, Телом Воскресения. От них веками исходят целительные силы.

Рудольф Штайнер был великим посвященным. Об этом мы вправе говорить как о факте,

не обращая внимание на поднимаемый в нашей прессе вопль о "культе" и т.д. Ошибкой была кремация тела Рудольфа Штайнера. Имеются свидетельства, что сам он этого не хотел, но ... "не успели" оформить соответствующие документы! Теперь "не успели" приготовить могилу. Прах просто выкинули из Гетеанума. Он кому-то там сильно мешал. Хотели также проверить, насколько глубоко все уснуло, но особой уверенности не было, что спят все. Спешили: вдруг кто-то спохватится! Важно так же было успеть все сделать под знаком Скорпиона (работают оккультно грамотно).

Но правда ли, что надежды больше нет? Я обращаюсь к тем, кто сохранил верность Рудольфу Штайнеру, сохранил чувство ответственности за развитие цивилизации: что случилось с вами, дамы и господа? Почему вы допустили такое? Я наблюдал вас в ателье Рудольфа Штайнера. На ваших лицах было искреннее волнение, трагизм. Да и как ему не быть, если Рудольфу Штайнеру мы обязаны практически всем? Без него жизнь каждого из нас протекла бы бессодержательно и ничтожно. В братских могилах хоронят солдат во время мировых войн, когда не хватает гробов для груд трупов. Те, кто желает нам зла, и тем не менее забрал власть над нами, они с издевкой теперь говорят: "Так он же хотел быть со своими учениками, вот мы и ссыпали их пепел вместе; кроме того он же сам говорил, что лучше кремировать". А мы в ответ лепечем, что да, говорил, и кроме того сам не распорядился, как нам его следовало хоронить.

В эту грязную яму под бревнами, в деревянной коробке (чтобы поскорее ото всего и следа не осталось) был брошен прах великого посвященного пятой культурной эпохи Рудольфа Штайнера, а неподалеку в общую ямку ссыпан прах десятков его честных последователей.

Что ж, если все обстоит так плохо, то хотя бы для наших потомков я хочу засвидетельствовать: двадцатого ноября 1992 года правлением Всемирного Антропософского Общества во главе с г-ном Манфредом Шмидтом (Брабант) было совершено осквернение праха Рудольфа Штайнера, и не нашлось никого, кто попытался бы помешать этому злодеянию совершиться.

* * *

Так повелось у нас, что мы не считаемся с тем добрым, что еще сохранил внешний мир, и перенимаем все плохое, что насаждается в нем. Да, многое в мире действует как однажды заведенный порядок, и если его не изменить, ничего не противопоставить ему, то гибель культуры неизбежна. Самое страшное состоит в том, что разложение, которому подвергается вся культура, нравственность, оно захватывает и нас. Часто не требуется никаких дополнительных мероприятий, чтобы доконать Общество, — достаточно приучить нас жить как все. Студенты в Дорнахе по праздникам танцуют рок, в том числе и эвритмисты. — А что делать? — вздыхают люди старшего поколения, — так теперь происходит везде.

Однако не везде, танцую рок, при этом так напряженно, как в Дорнахе, занимаются эзотерикой. Разве можно этого не учитывать? О невиннейших, с точки зрения дикости нашего времени, танго и фокстроте Рудольф Штайнер говорил, что на ритмах такой музыки качаются элементарные существа наихудшего рода. Подумайте только, что происходит с человеком, который ежедневно, часами, приводя себя в связь с ритмами планет и звезд (я имею в виду эвритмистов), вдруг становится "рок-меном"!

Вспоминаю случай, когда во время летнего праздника Иоанна Крестителя в Дорнах приехала молодая супружеская пара из России. Им предложили поселиться в студенческом общежитии. Вскоре они прибежали к нам и просили устроить их хоть на полу, ибо в общежитии — рассказали они — молодые парни подходят к девушкам и договариваются о сожительстве на неделю, пока будет длиться праздник, на который все они приехали. "Представьте себе, — восклицали они, — что там будет твориться ночью!"

В другой раз о том же самом нам с женой рассказали гости из Грузии. Надо заметить, что мужчины с Кавказа не привыкли отступать перед "прекрасной опасностью", но в данном случае и они были шокированы. Ведь все обстояло так просто и понятно: люди приехали на духовный праздник, где ежедневно слушали духовнонаучные доклады, переживали Драмы-Мистерии. Разве можно в таких условиях устраивать обезьянник! И снова не могу сдержать недоумения по адресу Ергена Смита. Десятилетиями он занимался работой с молодежью. Неужели за это время так и не представилась ему возможность популярно объяснить молодым людям, что нельзя идти "вверх по ведущей вниз лестнице", что "зияющие высоты" просто не совместимы с Антропософией?

А ведь "высоты" эти продолжают штурмовать, и не одна только молодежь. Прошлым летом два москвича показали мне объявление, которое они сняли с доски объявлений в

Гетеануме. Привожу его фотокопию

(Би/гомосексуальность и Антропософия.

Люди, в жизни которых однополая любовь занимает важное место, могут вступить в регулярно работающий круг и получить ответы, например, на такие вопросы: —Какую роль играет гомосексуальность в моей жизни? —Может ли Антропософия дать

Bi/Homosexualität und Anthroposophie

Menschen, die der gleichgeschlechtlichen Liebe einen wichtigen Platz in ihrem Leben einräumen, gehen in einem regelmäßigen, bundesweiten Arbeitskreis ihren Fragen nach, z.B.:

▼ Welche Rolle spielt die homosexuelle Seite in meinem Leben?

▼ Kann Anthroposophie mir zu Erkenntnis und Akzeptanz dieser Lebensweise Anregungen geben?

Der Arbeitskreis trifft sich das nächste Mal vom 30. April bis 3. Mai 1992 in der Nähe von Göttingen und arbeitet weiter an dem Thema

„Weibliches und Männliches in Mann und Frau“.

Information und Anmeldung bei:
Christoph Kranich, Nernstweg 22, 2000 Hamburg 50

мне побуждение к познанию и принятию такого образа жизни? Ближайшая встреча *рабочего круга* (выделено мною. — *Авт.*) состоится с 30 апреля по 3 мая 1992 г. вблизи Геттингена. Рабочая тема: "Мужское и женское в мужчине и женщине". Информация и запись у Кристофа Краниха* (Нернстweg 22, 2000 Гамбург 50)).

[*примечание автора*: - Интересно бы узнать, кто он, из какой семьи этот Краних, столь неустрашимо (вернее сказать, бессовестно) вписывающий "новую страницу" в историю Антропософского Общества?]

Вспоминаю, как в 1989 г. незабвенный комендант Гетеанума срывал объявление о моих лекциях в Дорнахе. "Только с разрешения правления Общества можно в Гетеануме вешать объявления!" — кричал он.

В данном случае объявление висело спокойно (видимо, правление разрешение дало). Его сняли русские, понявшие без глубоких размышлений, что это гнусность. Но так думаем, увы, только мы. В Западной Европе даже старые антропософы настолько оглушены, подавлены размахом сексуальной революции, что уже и понять не могут, а что тут не так. Приведенное выше объявление спокойно публикует журнал "Инфо-3" (№4, 1992). Там можно прочесть еще такое объявление: "Молодой человек, 31, из Базеля (это что же, из ветви им. Парацельса? — *Авт.*) ищет для наслаждения жизнью на время путешествия спутницу, которая интересуется Антропософией".

В России, как пишет советский профессор Кон, действительно высокий процент "гомофобии", но не потому, что мы шовинисты и варвары, а потому, что каким-то чудом сумели сохранить естественные представления о нравственности, о грехе, о здоровье и болезни. В варварство впадает Западная Европа, и потому я позволю себе предложить некоторым представителям "просвещенного варварства" ряд духовнонаучных соображений, показывающих, почему Антропософия ни в коей мере не может дать

"побуждение к гомосексуализму".

Даже с чисто медицинской точки зрения давно установлено, что к половым извращениям ведет сложный комплекс психических заболеваний. А потому с людьми такого рода следует обращаться как с больными. Поскольку же болезни такого рода представляют и социальную опасность (совращения, в том числе малолетних), то им поставлены и определенные правовые ограничения. Заболевания этого рода коренятся в нарушениях в гормональной сфере, в психических расстройствах и т.д.; как и всякие другие, они бывают легкими и тяжелыми. У одних болезнь выражается в отвращении к противоположному полу, у других в виде тяги к половому акту с животными и т.д. Наиболее тяжелая форма такого заболевания называется некрофилией. Когда в Москве был открыт клуб "сексуальных меньшинств", то в нем как раз и возникли группы (или секции, — не знаю) по формам заболевания. Если бы какой-нибудь европеец, тот же Краних, не признающий иных, кроме гомосексуализма, форм половых извращений и считающий другие формы болезнью, заговорил бы об этом в том клубе вслух, то его просто вытолкали бы в шею.

Средства массовой пропаганды пока придерживаются в тени весь состав этой проблемы и всячески поощряют только одну форму болезни, выдавая ее за эмансипацию личности. Силой такой пропаганды, поддержанной интеллектуальной элитой мира, государственными и религиозными деятелями, все больше захватываются люди, которые в иных условиях могли бы вести здоровый образ жизни. [*примечание автора*: "Инфо-3" публикует фотографии миленьких девочек, романтично сплетенных в "модном" сладострастии. Однако правда жизни тут совсем иная — отталкивающая, безобразная.]

Давайте доведем до логического конца ход мыслей, которые поощряет пресса, литература, кино, телевидение. Так, если вы не видите ничего плохого в гомосексуализме, то будьте добры принять за норму и скотоложество. А что вы тогда скажете по поводу тех, кому нужны маленькие дети? У нас в Союзе, в связи с процессом "демократизации", уже в газетах появляются соответствующие объявления, а потому уже завелись мафиозные группы, которые воруют или растлевают детей и за большие деньги поставляют их сексуальным маньякам. Подумайте при этом, что жертвами таких преступлений могут оказаться ваши собственные дети. Но, повторяю, если подобные разговоры вы заведете в кругах либеральной интеллигенции, в среде интеллектуальной "элиты" будь то в Москве, Париже или Нью-Йорке, то понимания вы не найдете нигде, вас высмеют, объявят реакционером, ортодоксом, шовинистами выставят за дверь.

[*примечание автора*: Во второй половине июля 1993 г. в передачах "Голоса Америки" (на русском языке) можно было не раз услышать, как диктор с хорошо поставленным баритоном, который своим тембром и уверенностью призван выражать неоспоримость и

силу мировой направляющей роли Америки, оповещает мир о некоем "эпохальном" событии. В сообщении фигурировали такие фразы: "Президент Клинтон принял решение", "Белый дом", "сбалансированная политика", "заявление сенатора", "генеральный штаб выразил поддержку" и т.д. и т.п. Речь шла об указе, разрешающем в американской армии открыто заниматься гомосексуализмом.

Вскоре же американские врачи сделали "научное" открытие, что гомосексуальные наклонности наследуются; юристы тут же пришли к выводу: то, что наследуется, запрету не подлежит. В Москве в унисон с указом Клинтона последовал указ Ельцина об отмене запрета на сексуальные извращения в России. Указ подхватило телевидение, дав полуторачасовое, рекламное по сути, интервью с "самой благополучной" лесбиянской семьей аж из трех человек. Опережая Москву, инициативу американцев подхватила радиостанция "Свобода". Облеченное в старые штампы советской идеологии, оттуда понеслось: "В первых рядах борцов за свободу и демократию в Америке были гомосексуалисты!" Они "покрыли себя неувядаемой славой!" и т.д.

Если кто-то считает все это естественным, а не большой грязной политикой, то пусть себе считает. Мы-то, антропософы, тут при чем? Здоровье, а не болезнь мира составляет цель нашей работы. Еще в XVI веке интересное пророчество о 1992-м годе (и, надо понимать, о последующих) дал русский подвижник Нил Медоточивый (Афонский): "Какие сделаются тогда хищения! Какое мужестрастие, прелюбодейство, кровосмешение, распутство будут тогда!" Так не будем ломать голову над тем, из какого источника все это происходит. Не будем удивляться, когда после №41 "Фленбургских тетрадей" появится другой, под заглавием "Би/гомосексуальность и антропософия (он, наверно, уже готовится к печати). Далее последует: "Кровосмешение и антропософия". Для 43, 44 или 45 номеров можно предложить такое название: "Притоны Гонконга и антропософия" и т. п. Может быть, кто-то все-таки возмутится и скажет: "Ты не утрируй! Какое отношение имеет антропософия к притонам Гонконга?" Отвечаю: абсолютно никакого! как и к "би/го". Но ответьте мне, в свою очередь, какое отношение к Антропософии имеет статья Арфса Вагнера "Национал-оккультизм"? Ведь совершенно очевидно, что никакого. Так почему же она опубликована в сборнике, которому дано заглавие "Антропософия и расизм"?]

Религиозное сознание вплоть до конца нашего века считало половые извращения смертным грехом. Их осуждали и язычники. Например, Гераклит учил: "Льет природа не к подобному, а к противоположному и рождает из него некое созвучие, гармонию".

"Из взаимно-противоположного (возникает) прекраснейшая гармония".

"Так сочетала природа мужское и женское и первичное установила согласие с помощью противоположностей".

"Все противоположности — в Боге".

А вот мнение апостола Павла: "Они заменили истину Божию ложью. Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола разжигаются похотью друг на друга, мужчины на мужчин, делая срам... Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела, достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют" (Рим I; 25-32).

С точки зрения проф. Кона и Гераклит, и апостол Павел — расисты. А расисты в наш век — это фашисты, они вне закона, их можно отдавать под суд. Так не пора ли разобраться с этими древними, из которых кое-кто выдает себя за апостолов? Правда, тогда и Антропософия подлежит суду. Ибо вы только посмотрите, что говорит Рудольф Штайнер: "Итак, придет решающий момент, где будет необходимо решать: идти ли направо — тогда нужно будет думать, или налево — тогда можно будет спать; но тогда выступят инстинкты и они будут ужасны. А что скажут ученые, когда выступят эти инстинкты? Они скажут: это природная необходимость... Будут испытывать немалое удовольствие в следовании определенным искажениям сексуального инстинкта, будут восхвалять эти искажения как особенно высокие достижения, как сверхчеловечность, непредвзятость, как преодоление предрассудков. Ужасное станет прекрасным. Но этого не заметят, так как будут говорить о природной необходимости" (182; 9.X). [*примечание автора*: См. лекцию "Что делает Ангел в человеческом астральном теле". Я очень советую прочесть ее всю целиком каждому, кто не отличает свободу от распущенности или от болезни.]

Таким образом, все побуждает, прямо-таки подталкивает антропософов к тому, чтобы они глубоко задумались и дали серьезный ответ на вопрос: на самом ли деле они принимают Духовную науку сообразно ее значению и предназначению? Если да, то нужно сделать соответствующий выбор. Сразу в двух направлениях идти нельзя, человек тогда раздваивается, т.е. сходит с ума.

Если вы избрали путь Антропософии, то не нужно идти по нему под знаком наивной веры; здесь все познается до глубины. Мы знаем, что человек в далеком прошлом, вплоть до середины древней Лемурийской эпохи был двуполым существом. Лишь на время, для выработки высшей нервной деятельности, я-сознания, в его эволюции произошло разделение на два пола, — ради высвобождения сил из сферы репродукции и обращения их на выработку мыслящего сознания. Но чтобы человек не утратил переживание своей **полноты**, был учрежден институт брака. В супружеской жизни мужчина имеет в женщине, а женщина в мужчине не просто партнера по сексуальным утехам, и даже не только недостающее звено для воспроизводства рода человеческого, а самое реальное свое **дополнение, завершение**. Для глубокого самопознания человека как микрокосма люди вступают в брак, где двое становятся как "одна плоть", о чем говорит Христос. Многие тысячелетия длится однополое развитие. Но придет время (это 5-е, 6-е

тысячелетие), когда вновь произойдет соединение полов. И тогда те, кто извращал их отношения, не смогут претерпеть той радикальной метаморфозы; **они будут вытолкнуты из нормальной человеческой эволюции в подчеловеческое, полуживотное царство.**

Таким образом, люди эти грешат против эволюции протяженностью в **две коренных расы**, поэтому и называют их грех смертным, а Павел говорит о "суде Божиим". Смертный грех ведет ко второй смерти — душевной.

Ввиду своей ближайшей инкарнации Ариман особенно заинтересован в распространении именно этого греха. Грехи поменьше человек исправляет в процессе реинкарнаций. А потому духи тьмы стремятся укрепить свою власть в людях **эволютивно.**

Мы же не из религиозного фанатизма, не как шовинисты, вправе сказать, что впадшим в такой грех не следует заниматься духовопознанием, духовным искусством, а тем более — посещать эзотерический класс! Сначала таким людям необходимо исцелиться. Я не имею ничего против дифференцированного к ним подхода: одно дело — две одинокие женщины, другое — гормональные расстройства, третье — откровенная развращенность. В каждом случае необходим свой подход. Но в целом я смею утверждать, исходя из духа Антропософии, что это **смертный грех**, более опасный, чем наркомания.

В Евангелии сказано: "Если тогда увидите мерзкий облик заблудившегося Я, воздвигаемый **там, где ему быть не полагается** — читающий да понимает читаемое, — тогда все, пребывающие в Иудее, пусть ищут убежище на горных вершинах" (Мк. 13; согласно переводу Эмиля Бокка). И возникает вопрос: а не о нас ли, антропософах, кроме всего прочего, идет в этом предупреждении речь? Где еще в современном мире может быть более неуместным "мерзкий облик заблудившегося Я", чем в нашей среде? Давайте только подумаем обо всей той гигантской эволюции, приведшей к рождению "я", о связи мышления с сексуальной сферой, о системе "лотосов", об эволютивном раздвижении сфер сознания и репродукции, в результате которого возникли прямостояние, позвоночник, спинной и головной мозг; о разделении полов и сопутствующей ему сложной конфигурации физического, эфирного и астрального тел у мужчины и женщины, о женском эфирном теле у мужчины и о мужском эфирном теле у женщины, — и нам станет понятно, насколько серьезными делами заняты мы, насколько опасно нам и противоестественно поддаваться массовой суггестии внешнего мира и вносить ферменты разложения и смерти в Антропософию.

[*примечание автора*: Когда эта книга была уже написана, мне в руки попал апрельский номер "Инфо-3". В нем две полных страницы предоставлены перу гомосексуалистов. Содержательно обо всем том, что пишет там их "рабочий круг", сказать ровным счетом нечего. В самом деле, они там утверждают, что не испытывший гомосексуальных отношений или "лесбийской любви", не смеет и судить о них. Это также умно, как если сказать; ни один судья, не совершивший убийства человека собственными руками, не смеет судить убийц. Одним словом, содержание статей свидетельствует лишь об опасном

колебании "крыши" у их авторов. Симптоматично другое. Редакция журнала дала статейкам общий заголовок: "Би... София...". Читатель, наверное, помнит приводившееся в 13-й главе (Г. Бондарев "Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности", 1 том) высказывание Рудольфа Штайнера по поводу одной публикации в базельской газете. Он там говорит: "... сколько людей прочло эту статью и при этом вздрогнуло как от укуса гадюки, поскольку страшный симптом выражен в этих строках?" Буквально эти слова хочется повторить, прочтя тот заголовок! Не с распушенностью, не с цинизмом отдельного человека, а с хорошо продуманным и пущенным в широкий оборот в средствах массовой информации и пропаганды методом имеем мы здесь дело. За последние 4-5 лет его хорошо освоили, переняв с Запада, 3/4 газет и журналов, издаваемых в бывшем Союзе. Однажды я уже писал об этом методе. Принцип его хорошо показать на примере. В одной из московских газет, еще в начале "перестройки" было однажды рассказано о всемирно известном рок-певце. Там говорилось, что это просто мировой парень: любит свою жену, добрый, жертвует деньги на гуманитарные цели и т.д. Но вот одна особенность: однажды он откусил голову у живой мыши. В результате получается: человеколюб, гуманист и ... откушенная мышиная голова.

Пользуясь этим методом, в "Плэйбое" вперемежку, я извиняюсь, с обнаженными ягодицами публикуют серьезные статьи на общественно-политические и даже духовные темы. Однажды мне показали полупорнографический греческий журнал, в котором была опубликована содержательная статья об оккультно-политической символике и о числе 666.

Стоит понаблюдать за мировой прессой, и любой поймет, что это сознательно разработанный метод сокрушения, тотального разрушения этики с попутным "заметанием" всяческих следов. Согласно ему, вперемешку с пошлостью, грязью, всяческой скабрёзностью пишут о серьезном, глубоком и даже святом. Где бы мы ни встретились с этим методом, не может быть и речи о свободном выражении мнений. Это строго запрограммированный приём. И тогда нужно сказать себе: "От таких людей (статей и т.д) нам ничего не нужно — ни хвалы, ни хулы; пусть идет от нас прочь".]

Мы вынуждены признать, что Антропософское Общество своей задачи — нести Духовную науку в культуру, во всю цивилизацию, *не выполнило*. Более того, *мир в своих упадочных проявлениях овладел нами*, отчего многие члены Общества не представляют Антропософию в мире, а профанируют ее. Например, странным, трагическим курьезом представляется тот энтузиазм, с каким ныне г-н Прокофьев провозглашает со всех трибун, что вне современного АО не может быть Антропософии. Он, видимо, совсем не понимает, что таким образом попадает в ряд широко известных сомнительных аналогий, таких как, например, утверждение иезуитов, что вне католической церкви нет Христианства. Прокофьев ссылается на Рождественское Собрание, на котором Движение и Общество были слиты воедино; а иезуиты ссылаются на слова Самого Христа, сказавшего: "Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Мф. 16,18). В чем же тут дело? — В мертвящем духе догматизма, в нежелании вникать в реальное положение вещей. Известная пословица в изменившихся условиях времени гласит: "Бог

полагает, а человек располагает"; и чаще всего располагает, к сожалению, согласно своему произволу.

Если последовать настойчивым советам Прокофьева, то, пожалуй, пора уже внутри АО создавать специальный орден, члены которого клялись бы беспрекословно и бездумно исполнять все повеления Правления и лично г-на М. Шмидта, Общество рассматривать как совершенное, в котором если и встречаются отдельные недостатки, то о них лучше молчать, дабы кто во внешнем мире не подумал чего плохого. Для такой позиции всякая критика АО является ересью, а ее авторы — еретиками.

Но возможна и другая позиция, другой взгляд на вещи. Согласно ему нельзя быть искренне приверженным Антропософии и при этом страстно не желать улучшить дела в АО. — Никто не сомневается в том, что Александр Солженицын любит Россию. Но именно потому он и критикует ее притеснителей. Конечно, такой взгляд сопряжен с большими трудностями. Куда проще являть себя папой больше самого папы. Такие люди (а к ним следует отнести и Михаэлу Глеклер, и еще целый ряд зрелых антропософов) более разрушительны для Антропософии, чем ее враги.

[*примечание автора*: Важно и интересно переживать, как мыслят наши ведущие антропософы. Михаэла Глеклер в одной из своих статей пишет: "Следует так работать из центра Антропософии, чтобы жизнь Общества воздействовала на принадлежащие ему души и духовное водительство делалось все более осязаемым благодаря тому, что через обоюдное побуждение и совместную работу новый импульс становился видим и интуиции нашей воли могли бы воспламеняться..." и т. д.

— Как видим, одни голые абстракции, выслушав которые, остается лишь закричать ура!". Далее: "Требуй то, что ты считаешь важным, от себя, а не от других". — Но чего стоит это заявление, если "другие" попросту захватили власть и не дают рта раскрыть никому, кто хочет говорить о важном? Когда читаешь подобные тексты, возникает впечатление, что их автору завязали глаза, отвели его в другое место, к другим людям, а он, не замечая этого, продолжает высказываться в прежнем духе. Хочется тихо тронуть за рукав госпожу Глеклер и сказать: почтеннейшая Михаэла, оглянитесь вокруг себя — не осталось ничего от того мира, который Вы описываете; Вас окружает совсем другая реальность; к ней Ваши слова не имеют никакого отношения.]

Ибо враг— он на то и враг, чтобы лгать, исказить, строить козни. Другое дело — друг Антропософии. *Ее судьба* поистине находится *в его руках*. И если он не вполне ведает, что творит, то безнадежность постоянно плотнеющим облаком окутывает его, как он полагает, "добрые дела". Однако, вернемся к вопросу о врагах.

Рудольф Штайнер дал нам богатейшие знания о том, как Ариман приспособил к своим целям едва ли не все факторы цивилизации и культуры. Темномагические тайные

общества и ордена, действуя из-за кулис, задают тон и направление практически всему: науке, политике, экономике, религии, массовой культуре. Они работают, надо признать, в широком стиле, формируя сам характер жизни, ее этические (или антиэтические) нормы, стиль поведения, предрассудки, предубеждения, управляемый фанатизм.

В тайных обществах, говорит Рудольф Штайнер, Гегеля читают медитативно. Там считаются с объективными законами развития, чтобы не по-дилетантски, умело их исказить. В мир социальных и духовных отношений запущено действие закона единства и борьбы противоположностей. В условиях мировой "перестройки" его марксистскую окраску меняют на фрейдистскую. Повсюду можно обнаружить черчиллеву борьбу "тигров под ковром". Ведется она и под "ковром" АО. Ее участники далеки от всякой сентиментальности. И той, и другой стороне (а есть еще и третья) нужны либо сторонники, либо противники. Всех нас они делят на три категории: "наши", "чужие" и "ни то, ни се". Больше всего обе стороны не выносят "примиренцев", тех, кто пытается их "разнимать". Нетрудно понять — почему? Если два диких животных вцепились один в другого клыками, то всякое неосторожное движение, которое может невзначай вызвать "примиренец", неизвестно чем обернется. Поэтому "примиренец", "профан", рискует получить двойной удар когтистых лап. В случае с моей брошюрой я примерно это и испытал. "Атлантисты" наложили на нее (и на другие мои работы) запрет, а самую резкую критику я услышал справа, от, я бы так сказал, "правой оппозиции" Обществу. То была даже не критика, а отповедь. Мне было сказано, примерно, следующее: "Нашелся критик! Еще смеет нас (т.е. европейцев) учить! Поезжай в свой Союз, там и учи, там и пиши, а у нас так не пишут!"

Немало насмотрелся я на Западе и на другую сферу, в которой ведется та борьба. Не раз наблюдал я, как далеко не единичные антропософы строят доверительные отношения только по национальному признаку, как при встрече пристально всматриваются в этнические признаки собеседника. Ничего поделать с этим нельзя — насильно мил не будешь. Но дело этим не кончается. Не раз мне доводилось слышать высказывания такого рода: ах, Израиль! Там такое трудное положение! Мы (т.е. антропософы) должны каждый день молиться за него! — Высказать в таких случаях иную точку зрения означало тут же стать "чужим", а то еще и получить этикетку с каким-нибудь "анти", "измом". Да и чисто психологически, когда с тобой разговаривают в таком тоне, язык не поворачивается спросить: а как быть, например, с тем, что в арабских детей стреляют из автоматов за то, что они бросаются в солдат камнями? Терроризм существует и в Англии, но почему там не стреляют по ирландским детям? не депортируют целые группы населения? Означает ли это, что мы должны использовать двойной нравственный стандарт? Почему, наконец, строго осуждаемый во всем мире национализм, апартеид, в Израиле носит "священный" характер? и т. д.

Ни о чем таком спросить нельзя, если не желаешь вызвать к себе глубокую антипатию. Тебя просто принуждают принять двойную мораль, согласиться, что жизнь израильянина несравненно ценнее жизни араба, да и любого другого человека. Если бы то, о чем я рассказываю, было неправдой, то сегодня в мире о геноциде русских, украинцев, немцев, камбоджийцев говорили бы с такой же страстностью, как и о геноциде евреев; отлавливая нацистских преступников в джунглях Южной Америки, не делали бы из советской

партноменклатуры демократов, не искали бы в лицах русских женщин сходства со свиной мордой и т.д.

Тяжесть преступления не зависит от того, против кого оно совершено. А что касается ценности человеческой жизни, то она везде одна, и определяется она не юридически. Я видел в кинохронике, как по убитым детям, родственникам плачут иранские, иракские, армянские, азербайджанские, сербские, хорватские женщины и мужчины. Без особого труда я смог понять, что их душевная боль ничуть не меньше, чем у любого европейца, американца или израильтянина. Лишь по причине засилья помрачающей разум лжи люди перестают понимать столь очевидные вещи.

Люди перестают отдавать себе отчет в том, что и как они говорят. Но ведь за словами следуют дела! Вот читают в литературном приложении к 38-му номеру "Гетеанума" (за 1992 г.) статью об Альфреде Момберте, который там назван "еврейско-немецким" поэтом. Как это следует понимать? В том ли смысле, что это был не вполне полноценный немецкий поэт из-за своего еврейского происхождения или, что, к сожалению, он был еще и немцем, а потому теперь пришло время очистить его от этой скверны?

Если в духе автора той статьи начнут писать другие, то им ведь придется выражаться таким вот образом: "русский без всякой инородной примеси писатель Лев Толстой..." или, проще: "русский (не еврейский) поэт Пушкин", "английский (не еврейский) драматург Шекспир" и т.д. Дико звучит, не правда ли? Но не лучше звучит и заголовок, который дал к своей статье о Момберте наш антропософский автор. Сам он, скорее всего, "не ведает, что творит", но зато "ведают" те, которые все это насаждают в массовое медиумическое сознание, в "коллективное бессознательное", как любят теперь выражаться новомодные "диалектики" от политики. И радикально встает альтернатива: либо нас тоже задавит это "коллективное бессознательное", либо мы отстоим самосознание. Ведь уже существуют антропософские инициативы, в центре которых поставлена пропаганда агасферического национализма. Мне известен случай, когда классный чтец отказался произносить формулу "In Christo..." по той причине, что она оскорбляет его религиозное чувство.

[примечание автора: Ах уж это "религиозное чувство"! Его, кажется, полагается иметь всем, кроме христиан. В 1994г. мне довелось прочесть афишку, где извещалось о празднике, устраиваемом в дорнахском педагогическом семинаре им. Р.Штайнера по случаю окончания учебного года. В программе праздника стояло: День открытых дверей, пасхальный базар, интернациональная кухня и т. д. В заключение в 9 часов вечера были обещаны танцы, играть на которых были приглашены "лабухи" из Цюриха. И это было 19 марта — за две недели до Пасхи, т. е. в конце Великого поста. Как тут не спросить, а какого вероисповедания наши учителя? Что не христиане — понятно. Может быть, иудаисты? — Но у тех тоже празднуется Пасха, а перед нею имеется период воздержания, духовной сосредоточенности. — Буддисты? Мусульмане? — Но те вообще рок не танцуют, а к своим праздникам относятся очень серьезно. Остаются африканцы и советские. Именно по-советски и был проведен тот праздник в семинаре им.Р.Штайнера, т.е. — атеистически. Даже чувство минимального уважения религиозной свободы должно

бы было побудить руководителей семинара провести праздник двумя неделями позже, не говоря уж о том, сколь вообще маломузыкальный кошмар дискотек соответствует духу новой педагогики.]

Столкнулись мы с этим и в России. В процессе подготовки к созданию Антропософского Общества в Москве раз было высказано пожелание отразить в его названии христианскую ориентированность Антропософии. Не берусь судить однозначно, стоило это делать или нет. Может быть и не стоило, хотя и унифицированно, по типу марксизма, Антропософию в мире развивать нельзя. Но я хочу сказать о другом. Присутствовавший на обсуждении г-н Георг Унгер, выступил против такого пожелания потому, что оно, как он сказал, сделает невозможным вступление в АО иудаистов и магометан. Ну, что касается магометан, то такая "опасность", кажется, нам нигде не угрожает. Они были упомянуты г-ном Унгером лишь для того, чтобы можно было говорить во множественном числе. Один из москвичей задал такой вопрос: "Скажите, а как тогда быть с *Рождественским* Собранием 1923/24 гг.?" — Унгер ответил: "Оно было названо Рождественским потому, что проходило во время Рождества. Тогда москвич спросил: "Означает ли это, что если бы оно проводилось во время праздника Пурим, то было бы названо Пуримским?" Вместо ответа спрашивавший получил из зала заряд ненависти. Присутствовавшие на обсуждении члены так называемого клуба "Аристотель" тут же объявили, что если в названии общества хоть как-то будет упомянуто Христианство, то они будут бойкотировать его создание. Христианство упомянуто не было, но бойкот созданию Общества они все равно провели, правда, по другой причине.

[*примечание автора*: Не принято в нашей среде глубоко разбирать вопрос о веротерпимости. В цикле лекций "Евангелие от Марка" Рудольф Штайнер объясняет, в чем состоит взаимное уважение религий. Возьмем, например, буддизм. Мы, антропософы, утверждаем, что Будда больше не воплощался на Земле и тем выражаем признание сущностного ядра буддизма. Буддист, со своей стороны, должен сказать христианину, что он способен понять Мистерию Голгофы как ее понимает христианин. Но если кто-то скажет, что "Мистерия Голгофы — это ошибка и Христос должен снова прийти в физическом теле", то это было бы "издевательство" над христианской религией ([139](#); стр.70-71). Так следует понимать веротерпимость, а не в смысле американизированного экуменизма, для которого что вера, что материализм — все равно.]

Если кто-то станет возражать, что нельзя так обо всем говорить открыто, то я ему отвечу, что меня всегда интересовало лишь одно, судьба Антропософии, и было не так существенно, кто и с какими намерениями ее разрушает или дискредитирует. И если с самым реальным риском для жизни я защищал ее от КГБ, то почему теперь, когда ту же самую работу проводят стяжатели, маги, националисты и проч., следует молчать и копить горы "мусора в избе"? [*примечание автора*: Но, повторяю, я привожу лишь отдельные

примеры. На самом деле все обстоит еще хуже.]

* * *

Во всех моих установках я опираюсь на Духовную науку — не на цитаты Рудольфа Штайнера, а на науку с ее содержанием и методологией. Что, смею утверждать, позволяет мне антропософски, т.е. не догматически, без фанатизма, судить о процессах в современном мире, частью которого является наше Движение. Мой опыт показывает мне, что во внешнем мире, кажется, уже не осталось надежды на мирное разрешение кризисных проблем. Народы лишены права определять свою судьбу. Закулисные вдохновители и многочисленные исполнители их воли, кажется, "заигрались" окончательно. Откровенно, впечатляюще и бесконечно трагично это обнаруживается теперь в России, где всякий закон, в том числе и нравственный, упразднен, народы открыто объявляются стадом и быдлом, и одни только мафии ведут борьбу за власть и капитал.

Если мы не закроем доступ всему этому в антропософскую среду, если не поставим предел действию мафиозных структур в нашей среде, если не активизируем нашу работу с социальной трехчленностью, то положение в мире станет еще безнадежнее. И запомним, нет положения, хуже которого не могло бы быть. И нет положения, в котором смеет умереть всякая надежда на лучшее.

Не надо поддаваться массовым внушениям, в какой бы "упаковке" они ни подступали к нам. Нужно понять, что в мире больше не оставлено места для честных духовных и оккультных исканий. Их можно *отстоять* только в нашей среде. И только в нашей среде имеется возможность преодолеть всякий национализм, построить отношения на основе духовного братства. Но для этого нужно напряженно работать, зная, что все демоны зла ополчаются против нас. Чтобы выстоять в такой борьбе, человеку необходимо быть нравственным и безусловно стремиться к истине. Таковы, по сути, те два необходимых и достаточных условия, при которых Иерархии могут вершить в наших делах. А только они способны противостоять духам тьмы и их человеческим служителям. Михаэлитами надлежит нам быть. А для михаэлита нет "ни грека, ни иудея, ни эллина", а только человек, как Божие творение, идущее к свободе через преодоление наследственного греха. Человечество для михаэлита есть единое целое, соединенное одной космической судьбой. Рудольф Штайнер говорит, что в шестой, славяно-германской культуре ни один человек не сможет быть счастливым, если рядом с ним кто-то будет страдать. Для михаэлитов такое состояние наступает уже теперь.

Таковы составляющие понятия "жить по-антропософски". Практически для нас все обстоит так, что мы либо работаем над тем, чтобы нашу личную жизнь и жизнь Общества приводить в соответствие с этим понятием, либо мы занимаемся чем-то, не имеющим отношения к Антропософии, а тогда все превращается в театр абсурда: когда мы занимаемся чем-то другим, а называем это "Антропософией". Поэтому нет ничего *естественнее*, как протестовать против такого положения дел. "Метафизическая

бюрократия" во главе антропософских обществ — это абсурд, это дурной сон, если даже он разыгрывается наяву. Вы посмотрите, как прошло учреждение АО в странах бывшего соцлагеря. Оно напоминало присоединение новых земель к метрополии. "Правящая чета" центральной администрации милостиво объезжала новые владения, дарила расположение, обещала финансовую поддержку. Ее теперь и на самом деле оказывают, но при условии "хорошего" поведения. Один из членов московского правления как-то заявил: "Если мы поддержим Бондарева, то нам на Западе не только не дадут ни копейки, но и здороваться перестанут!"

Это, конечно, крошечный факт, но именно такие, как этот, факты заполняют нашу жизнь и работу. Западом сейчас творится в России целое сословие приживальщиков, которые думают лишь о том, как разжиться валютой, тряпками, отхватить продуктовый пакет из гуманитарной помощи, на дармовщинку съездить в Европу и т.д. Многих и обвинять при этом трудно. Когда в голодной стране учреждаешь стол, который прогибается от импортной жратвы, то следует ожидать, что начнется борьба за место за тем столом, что с особой энергией к нему полезут люди, не обремененные ни духовным знанием, ни нравственностью. Среди них уже и стакан с вином гуляет. А как не выпить при такой закуске?

Все это легко понять. Труднее понять другое: при чем тут Антропософия? Да, люди бедствуют, но то, как оказывается помощь, служит лишь их нравственному разложению. Присоединив нас к Западу, к нам подвели, наравне с "освещением" и "отоплением", также и "мусоропровод", с наклоном в сторону Востока. Наравне с честными, серьезными антропософами к нам все чаще наезжают люди сомнительные. А тогда: "подобное подобного ищет" и "рука руку моет". Такие люди начинают с двух сторон вершить у нас все дела, — дела темные, безобразные. Был случай, когда одна антропософка, глядя прямо в глаза такому "активисту" с Запада, спросила: "Вы понимаете, с кем вы тут имеете дело? на кого вы здесь опираетесь?" Слушая ее, "активист" как-то странно улыбался и молчал. Стало ясно, что его такой вопрос просто не занимает, а может быть, и сам он такой же, как наши, советские "антропософы - активисты".

Прошлой осенью в Москве открыли вальдорфскую школу, а весной того же года ее директор писал в газете, исходя из наших условий, которые он знает, что в течение ближайших четырех лет открытие такой школы будет вряд ли возможно. Так почему же ее все-таки открыли? Да потому, что на эту инициативу ухлопаны многие миллионы марок. Пожертвованиями высосаны все ветви в Германии, так что больше никому у нас они помогать не могут. Инициаторы с Запада понимают, что даже в антропософской среде могут спросить: а на что истрачены деньги? Если ответить, что они ушли на дорогостоящие поездки бригад преподавателей в Москву, то это может прозвучать неубедительно. Во что бы то ни стало нужно было увенчать акцию каким-то результатом и как можно скорее. Ну, а если школа не сможет существовать, то всегда можно будет сказать: ох эти русские! Ничего не умеют делать; один хаос!

Пусть меня поймут правильно: я не противник вальдорфских школ, а, напротив, их горячий сторонник, готовый просто молиться на них, потому что это поистине святое дело. Но даже с моей "русской" мерой практичности я понимаю, что на те миллионы

можно было *не менее ста человек* из разных городов России выучить за границей. Это могли бы быть не только педагоги, но и эвритмисты, рецитаторы, крестьяне, архитекторы, музыканты, художники. Люди получили бы профессиональную подготовку в нормальных школах, а главное — в течение 3-4 лет они жили бы в антропософской среде, своими глазами видели бы, как практически работают антропософы на Западе, да и сам контакт с западной культурой обогатил бы людей, оставил бы глубокий след на всю жизнь.

А с открытием школы можно было бы год-два подождать. Были бы подходящие люди — это главное. Однако странным образом в Европе с годами пришли к иному выводу: были бы деньги, а антропософы найдутся! — Увы, не найдутся. Деньги всегда влекут к себе в первую очередь проходимцев, стяжателей. А там, где собираются настоящие антропософы, денег, как правило, нет - или их очень мало.

В наших условиях, в России, положение особенно сложное. Страшное прошлое еще никуда не ушло. И если кто-то желает действовать, не считаясь с этим, он попросту оказывается в насквозь фальшивом положении. Ну, а если он и сам к тому же личность недобросовестная, то уже начало инициативы, которую он затевает, содержит в себе трагический конец. Заявления в том духе, что нечего-де концентрироваться на одной лишь негативной стороне жизни, — звучит *в наших условиях как воинствующая глупость*. Как можно не считаться с тем, что министерство школьного образования и по сей день на 100 процентов состоит из старых советских аппаратчиков? С какой это стати оно выделяет здание под вальдорфскую школу и даже в какой-то мере поддерживает инициативу? Быть может, мне скажут, многие старые советские аппаратчики перестраиваются. — Да, перестраиваются, но только ради личной выгоды, *за деньги*. Если кто-то не верит мне, пусть почитает наши газеты, поговорит с обычными людьми. Я допускаю мысль, что можно подкупить и номенклатуру министерства школьного образования. Но тогда нужно сознаться, что создана вальдорфская школа на основе *подкупа*. Только материалист может надеяться, что такая школа станет развиваться по законам духа.

Но нужно еще учесть, что аппаратчики системы советского школьного образования и все ее работники — это люди особого склада, в задачу которых входило систему воспитания не развивать, а держать за горло, не пропускать ни капли живого духа. Они стояли у рычагов той "гильотины", которая отсекала живой дух у поколения за поколением. Ведь *это оккультисты от педагогики*. Еще совсем недавно (теперь это чуть поослабло, но только из-за хаоса, который в сфере школьного воспитания вряд ли долго продлится) не то что зайти в советскую школу — пройти мимо нее было душевно трудно. — Ведь то были центры убиения живого духа. Учителя, учительницу можно было узнать в толпе по особому, нехорошему выражению лица, которое формировалось за счет вампиризации детей. (Надеюсь, я говорю с опытными антропософами и педагогами, и они понимают меня без труда).

Рудольф Штайнер в свое время предупреждал: "**...школьная реформа Луначарского представляет собой нечто ужасное. Она есть смерть всей культуры!** И хотя от большевизма происходит много чего плохого, — **наихудшим является большевистский метод преподавания!** Ибо, если он победит, то искоренит все, что перешло в культуру из прошлых времен. Это не будет достигнуто в первом поколении, но тем увереннее

произойдет в последующих поколениях, и тогда довольно быстро всякая культура исчезнет в сфере их господства" (293; 25.VIII). Так вот, *это "если" стало у нас действительностью на 70 с лишним лет*. А теперь приезжают многоопытные вальдорфские педагоги, встречаются с закоренелыми последователями реформы Луначарского и говорят: "Ах, это милые люди! С ними можно найти общий язык, так как при разговоре они улыбаются!" Даже обыкновенные бизнесмены с Запада и те больше понимают, с какого типа людьми они имеют у нас дело. А экономика, подчеркиваю, — не педагогика. Там все дело сводится лишь к внешней власти.

[*примечание автора*: В июне 1994 года в журнале "Гетеанум" (№33/34) было опубликовано пространное сообщение о "тернистом" пути движения Вальдорфской педагогики через Москву. В нем говорится, что для дальнейшего ее существования в России необходимо решить следующую проблему: "Приведение учебных планов Вальдорфской школы в соответствие с государственными (РФ) требованиями. Согласно сегодняшнему законодательству, все негосударственные школы, если они хотят быть признаны государством и финансироваться им, должны привести свои программы и результаты в соответствие... с государственными стандартами. Все это ставит проблему пересмотра классического учебного плана Вальдорфской школы и приведение его в соответствие... с рамками русской 11-летней школы." Речь, таким образом, идет о "приведении в соответствие" Вальдорфской педагогики с системой Луначарского, ибо никакой "русской школы" в природе не существует. Что теперь в наших школах не преподают историю КПСС — не столь существенно. Главное — методика преподавания, которая, как и прежде, остается насквозь советской. Однако можно не сомневаться: и в Штуттгарте, и в Дорнахе на такое "согласование" пойдут; никому просто не позволят на него не пойти — ведь речь идет о "вальдорфизации" всего бывшего Союза (вернее сказать, о "советизации" Вальдорфской педагогики). Д-р Краних входит, таким образом, в историю, его имя делается бессмертным, так как героические поступки подобного рода человечество не забывает. Следует заметить, что наша антропософская группа в Москве еще в 70-е и 80-е годы имела возможность "согласовать" свою работу с "требованиями" КГБ (которое образует единство с государством), но нам не хватило опыта "зрелых" вальдорфских педагогов и мы, "наивные", категорически отвергли союз с преисподней, чем обрекли себя на преследования.

Далее в той статье говорится, что на создание вальдорфской школы в Москве "министерство (школьного образования) дало огромную (hogrende) сумму денег". А десятью строками ниже стоит: "Государство не дает ни копейки на здание (аренда и эксплуатация), не оплачивает оборудование и т. д. Что же в таком случае получается? Не имея ни малейшего понятия о том, с чем оно имеет дело, министерство (гос. учреждение) дает гору денег (при страшном дефиците финансовых средств) за, так сказать, "кота в мешке". Теперь же, когда школа признана министерством как лучшая в стране (среди частных школ), более того: "интернациональный" "Сорос-фонд" (создан в Москве американцем-миллиардером, не имеющим никакого отношения к Антропософии ни в Америке, ни в России) выдает школе премию в 30 тыс. долларов, — государство не дает ни копейки на поддержание здания! Что в таком случае означает компромисс с системой

Луначарского (который уже заключен, поскольку школа признана отвечающей "государственным стандартам"), после заключения которого должно было начаться государственное финансирование? Что оно частично осуществляется, но его не хватает, — не аргумент, ибо в школе раздутые штаты, что не соответствует "государственным стандартам", а именно тут и следовало бы впервые очередь подумать о соответствии им.

Одним словом, недоумений множество, разумных разъяснений — ни одного. Однако следует отдать должное г-ну Пинскому — он, в конце концов, обо всем говорит открыто, и понять его не может лишь тот, кто страстно желает быть обманутым.

Как знать, пройдет еще несколько лет и, если какая-нибудь диктатура не покончит со смелым экспериментированием, советская педагогика будет действительно "вальдорфизирована" при массивной поддержке "мировой общественности", которая, с другой стороны, сживает Антропософию со света. У нас появится не 400 (как теперь во всем Мире), а 4 тыс. или 40 тыс. так называемых "вальдорфских школ", и тогда посмотрим, кто кому и какие станет диктовать "требования" и "стандарты".]

Вот почему нельзя не задаться вопросом: почему такое министерство вдруг поддержало вальдорфскую педагогику? — а также и еще одним вопросом: почему и с западной, и с советской стороны было сделано все возможное, чтобы ключ к любой дальнейшей вальдорфской инициативе в России всунуть в руки одного человека? Не более 5 - 6-ти лет тому назад мне самому довелось слышать, как он выражал сомнение в состоятельности Духовной науки вообще. Можно ли за такой срок естественным, здоровым образом пройти путь от сомнения (пусть мне Парсифаля в пример не приводят) до заведования всей вальдорфской педагогикой в стране? Я убежден, что нет. И тем не менее уже во всех районах Москвы (а это гигантский город), во всех официальных постсоветских инстанциях, куда обращаются антропософы, желающие что-то основать для развития вальдорфской педагогики, их отправляют к тому человеку. Так с чем же мы имеем тут дело?

Я не советую, как западным друзьям, так и антропософам в России, искать ответы на поставленные вопросы на поверхности. Несмотря на весь хаос современных отношений в России, во всем просматривается планомерный ход развития. Внешние декларации оказываются фикциями. Много было "звона" о том, что ограничена деятельность КГБ, сокращен его аппарат, а у меня, например (я понимаю, что нехорошо приводить себя в качестве примера, но в данном контексте это допустимо), телефон, как и прежде, подключен на постоянное подслушивание. И если бы дело ограничивалось только этим!

Со всей ответственностью я заявляю, что КГБ, под которым следует понимать оккультно-политический наднациональный орден, члены которого воспитаны в духе азурических инспираций, в сути своей не затронут всеми переменами, происходящими теперь в России. Не изменилась и его позиция в отношении Антропософии. Как и прежде, в его намерение входит заполучить в собственные руки все антропософские инициативы, руководство в обществах, ветвях и со временем совершить полную подмену

антропософской деятельности в России, одновременно представляя ее Западу как подлинную. Меняются только методы работы этой организации.

Теперь она засылает к нам людей, совмещающих в себе принадлежность к сословию советских агентов с мафиозно-предпринимательской деятельностью, с практикой темного оккультизма, и порой — с принадлежностью к тайным обществам.

Крайне осторожным нужно быть в России и с моральной репутацией. У нас о людях судят не по словам, а по делам. Дела же пока в нашей среде никуда не годятся. Не стану описывать всего, но вот два примера. Раньше всем нам привозили и дарили лекарства. Теперь в Москве создан, с позволения сказать, центр медицинской инициативы, куда десятками и сотнями килограммов бесплатно присылаются лекарства. С нас, антропософов, там за коробочку ампул "Искадора" требуют сумму примерно в две средних месячных зарплаты, что для швейцарца эквивалентно 4 тыс. франков! И такое сравнение *реально*, поскольку в любой стране человек живет на зарплату. Другой пример: открыли лавочку (ее ведет "антропософка", присланная из Германии), в которой продают поношенные вещи, пожертвованные для нас антропософами на Западе. Учреждена унижительная процедура обследования: насколько беден желающий в этой лавке что-то купить. Но на деле получается так, что у кого много денег, может набить битком два мешка, а у кого их нет, тому говорят: "Придите позже, если что останется, продадим вам дешевле." — Плохонькое пальтишко (а все хорошее уходит вообще неведомо куда) стоит примерно 50 процентов среднемесячной зарплаты или одну минимальную. В Швейцарии в так называемых "Brockenstube", где бедным людям продают поношенные вещи, такое пальтецо стоит 10 франков, или 0,5 процента от средней месячной зарплаты, т.е. в 20 и более раз дешевле, чем в центре *антропософской помощи*! Ко всему следует еще добавить, что никто не знает, куда идут вырученные от продажи вещей и лекарств деньги. Какая-то часть, возможно, куда-то вносится, хотя бы для отвода глаз, но — ничтожная часть от очень крупной выручки.

Настораживает также стремление западной стороны непременно все централизовать. С нашей стороны спрашивают: "Разве можно вальдорфскую педагогическую инициативу сводить в одни руки?" Кроме того, централизовать, объединять можно лишь то, что существует, а не наоборот — сначала централизация, потом развитие инициатив. В результате такой политики вальдорфская школа в Москве имеет директора, какого даже советские школы не знали: ему, например, достаточно сказать сотруднику: уходи, ты мне больше не подходишь! — и тот уже считается уволенным.

На конференции по вальдорфской педагогике в Москве ее устроителям был поставлен такой вопрос: "Почему вы стремитесь устроить у нас все так, как вы делаете в Германии? Неужели для такой педагогики не имеют никакого значения ни культурные, ни национальные особенности?" Далее спрашивавший привел яркий и многоговорящий пример. "Возьмите, — сказал он, — хоровое пение; у немцев любят распевать каноны. В русской традиции хорового пения такой же популярностью пользуется многоголосие, а капелла". Ничего вразумительного не сказали в ответ "дерзкому" "почемучке" миссионеры из Штуттгарта и их московские приверженцы, про себя же решили: "не наш!" Ведь в нашем Обществе можно разваливать и профанировать все, что угодно, если при

этом не выступаешь против "генеральной линии" антропософского начальства на всех уровнях. По этой причине именно худший опыт вальдорфской практики в первую очередь прививается у нас, а в результате в Москве, например, можно уже встретить людей, которые говорят: "Вальдорфская педагогика? — нет, спасибо, не надо; мы были в той школе и знаем, что это такое". В самой же школе постепенно оживают типичные черты советской школы: на четыре небольших класса набран штат в шестьдесят человек (как же тут не клянчить валюту); двое эвритмистов (уже своих, выучившихся на Западе) имеют обыкновение колотить детей на уроках, так что родители потребовали убрать их из школы и т.п.

Не вдаваясь больше в отталкивающие детали, хочу высказать одну мысль по поводу главного феномена — страсти к централизации. Может оказаться, что за ней стоит все та же борьба двух мировых сил, о которой у нас шла речь. Там понимают, что Россию нужно хватать пока не поздно. Опоздаешь, получишь затяжную борьбу за каждый шаг, а если сейчас захватить инициативу, то потом достаточно будет противную сторону просто не пускать. Так может обстоять дело в целом, а детали и прочее наблюдайте сами.

Если пытаешься кому-то из здравомыслящих антропософов с Запада объяснить, что так Антропософию развивать нельзя, что так ее можно только разрушать, то в ответ слышишь: "Doch! Doch!" — Но в переводе на понятный язык такое "Doch" означает: "Я не способен, да и не желаю входить во все, что ты говоришь, но у меня нестерпимый зуд деятельности." Если будешь настаивать на понимании, тебя обвинят в недостатке положительности. [*примечание автора*: Не следует тут отождествлять себя с миссионерами прошлого. Тогда все в мире, и доброе, и злое, развивалось естественно; тогда чаще требовалось мужество, чем понимание. Теперь все обстоит наоборот.] Речь о том, что во всяком деле нужна "моральная техника", что без нее можно загубить любое, даже доброе дело, — лучше вообще не заводить. На тебя тогда смотрят круглыми глазами и дают зарок больше с тобой не встречаться.

В результате все уродливые образования, называемые антропософскими инициативами в России (я рассказал далеко не обо всех), где случайные, злонамеренные или просто недалекие люди ищут своей выгоды, занимаются стяжательством, удовлетворяют свое честолюбие, — все они суть не что иное, как центры компрометации Антропософии. **Они не имеют никакого положительного отношения к истинной Антропософии.** Заявить об этом прежде, чем будет поздно, я считаю своим долгом. Антропософия в России живет пока лишь в отдельных немногих людях, которые держатся вдали ото всех "торгующих" в еще непостроенном храме. И мы говорим антропософам на Западе, которые еще не потеряли голову: примите, пожалуйста, меры. Сдержите поток сомнительных людей, которые от вас устремляются к нам. Измените методы работы. Сначала изучите, что происходит в России. Войдите в ее сложное, трагическое положение. Несмотря на распад всего, у нас по-прежнему остается в силе принцип, что **истинная духовная работа может быть только нравственной.** Я хорошо знаю, что многие антропософы в России серьезно бедствуют, и тем не менее говорю: пусть Антропософия у нас будет бедной, но чистой. В сложившихся условиях во всех сферах жизни финансовая, материальная помощь, оказываемая России, не служит добру. Те ее крохи, которые достигают простых и нуждающихся людей, служат лишь прикрытием мафиозных манипуляций. Устраны

"вывихнуты суставы", поскольку ее десятилетиями держали "на дыбе". Души людей изломаны, исковерканы. Солженицын не зря говорит, что более всего нам нужен покой, чтобы попросту *выздороветь*.

В Антропософии нужно сделать что-то такое, чтобы все аферисты ушли от нас, чтобы всякому стало ясно: поживиться здесь нечем. Что же касается "миссионеров" с Запада, то пусть ими займутся на Западе. Нам нужны простые, работающие люди, не гоняющиеся за популярностью ни у себя дома, ни в России, не ищущие сферы для самореализации, из понимания желающие оздоравливать культуру. Таким людям и нам есть что дать. У нас, русских, есть врожденный нравственный энтузиазм, который приходит в действие, когда происходит чистое служение Богу. Когда приезжающих к нам с Запада мы встречаем с открытой душой, то мы не лукавим. Мы понимаем, что люди на Западе утратили переживание дружбы. Там ее заменили "функциональными отношениями". В России с ними нечего делать. И слава Богу, что это так! Ответственность же за Антропософию у нас общая. Необходимо научиться через служение ей служить себе. Тогда развивается душа сознательная, тогда прямой эгоизм метаморфизируется в косвенный с беспрерывно ширящимися границами. И, да не обольстимся иллюзией внешних мероприятий. Все они ничто, пока за них не возьмутся люди с широкой душой, те, кто между собой друзья и братья.

* * *

В Москве создано АО. И людям теперь дурят голову демагогией, будто бы все, не вступившие в него — вроде бы и не совсем полноценные антропософы. Однако создание его не было подсказано чистым чувством ответственности. Нельзя создавать антропософские общества из слабости, да еще в стране, где все пронизано сыском, а кулисы высылают вовне лишь волны темного оккультизма. Теперь кое-кому приходится для самореабилитации потрясать кулаками и поносить всех, кто на это указывает. Но их негодование — лишь попытка заглушить запоздалое прозрение. Широко известен образ страуса, прячущего голову в песок. Теперь его дополняет еще один: страус, запихивающий в песок головы других страусов.

Схожей с московской была ситуация в Тбилиси. Но там у людей хватило мудрости осознать катастрофическую трудность положения и не спешить с созданием Общества. Так, возможно, было бы и в Москве, если бы не то событие, которое, по сути говоря, было "театром одного актера". В самом деле, в ряде актов публике было показано некое, хорошо организованное действие. Сначала ей представили галерею иностранных руководителей антропософских обществ в строгом соответствии с "табелью о рангах". Потом публике предложили доклады на духовнонаучную тему, показали смущенную, растерянную группу тех, кто впредь будет управлять антропософией в России и т.д. И все это было фрагментами выступления одного-единственного человека, который и встречал всех у входа, и что-то объявлял, представлял, дарил комплименты, рекомендовал, приглашал, переводил, кого-то распекал и даже во время антракта загонял публику из буфета в зал и т.д. Публика — на 90 процентов не антропософы — посмотрела, похлопала

и разошлась. Уехали домой заграничные гости, а с ними — и наш "актер". В Москве осталась группка беспомощных, частью чуждых Антропософии, а частью давно заблудившихся на духовной тропе людей, которых воля случая принудила оказаться вместе, чем обрекла на сущий ад. Их выбирали путем выкрикивания имен из зала и поднятием рук. Было решено на каждых семь человек будущего общества завести одного члена правления, и поскольку на предварительное обсуждение собралось около 70 человек, то и возникло правление из 10 человек. Последний в ряду записанных на доску собрал не то 5, не то 6 голосов, но был десятым по списку и потому тоже вошел в правление.

В зале на открытии присутствовало человек 500. Кто они были? И зачем они были приглашены на сугубо антропософское мероприятие — создание Общества, которое должно состоять из людей, *нашедших* отношение к Антропософии и *желающих* нести ее в мир? Ведь можно было снять Дворец спорта, расклеить афишу по всей Москве, и тогда посмотреть на зрелище пришло бы несколько тысяч человек, и в Общество может быть записалось бы не 70, а 170 или даже 270 человек.

Но вся беда в том, что и с семьюдесятью работу вести некому, поскольку главное действующее лицо — иностранец. Это тоже уникальный случай в истории Антропософского Общества, когда генеральный секретарь живет за границей. И хотя официально он таковым не назван, но формально им является; однако и тут произошел курьез: советский чиновник, регистрировавший Общество, когда узнал, что не будет председателем, с иронией спросил: "Что же, вы настолько не доверяете друг другу?"

Итак, создано Общество, которое *не может ни жить, ни умереть*. Как социальный институт, оно привлекло к себе внимание разных оккультных и политических сил. А надо опять заметить, что члены буквально всех политических партий в стране открыто пишут (т.е. это не мое мнение), что они не успевают создаться, как разные закулисные силы завладевают ими изнутри и начинают их разрушать, раскалывать, менять программу, цели. От этого буквально стонут даже политики. И иначе быть не может, если гигантская страна предана новому дележу между силами тьмы. Ежедневная печать переполнена потрясающей информацией, но еще более потрясает сама жизнь. Мыслимое ли дело в таких условиях создавать Общество, не имея ядра крепких, понимающих ситуацию антропософов, способных *работать совместно!*

Многие годы, под гнетом внешнего принуждения велась подготовка такого ядра. Речь об этом постоянно сознательно велась в нашей московской ветви. Но в один печальный момент работа была разрушена безо всякого серьезного повода. А дальше получилось нечто парадоксальное, напоминающее евангельскую притчу о талантах, но взятую с обратным смыслом. Люди, оказавшиеся "неверные в малом" (неверные, естественно, своей духовной задаче), вдруг объявили: да, мы зарыли наши таланты в землю, но это никого не касается! Теперь мы возьмем в управление ряд городов, и пусть только кто-нибудь посмеет нам помешать! Ну можно ли ждать проку от такого образа действий? Видимо потому и тот из них, которому Россия показалась недостаточным полем деятельности, и он предпочел ей Западную Европу, и там, в конечном счете, произвел больше хаоса, чем реальной пользы. (Здесь и далее имеется в виду С. О. Прокофьев -

Примеч.)

Я несколько не сомневаюсь, что когда он писал свою первую книгу, над ним веял добрый дух Антропософии. Но духи приходят и уходят. — Все зависит от того, как ведет себя человек. Если взять его последующие книги, о которых пишут, что они "самые значительные", то это ведь вовсе не книги, а только заготовки для возможных книг. Кто занимается писательской деятельностью, хорошо знает, что такое исходный материал, "сырье" для будущей книги: разные выписки, план работы, некоторые нащупанные связи и т.д.

В нескольких случаях, когда наш автор решился высказать собственные идеи, они оказались ошибочными: это идея, будто бы год начинается с осени, что семь праздников года являются семью ступенями посвящения (а почему бы тогда — не семь дней недели? ведь, увеличив меру абстрактности, можно доказать и это), возведение линии Рафаэля-Новалиса к Адаму без детального рассмотрения главного в таком случае вопроса: а кто такой Адам? что следует понимать под этим? Он берется эзотерически толковать одну русскую былинку, которая была сочинена в начале XX века, тогда как подлинные былины слагали посвященные. [*примечание автора*: Былина появилась в то же самое время, когда, как утверждают, была найдена так называемая "Велесова книга", якобы написанная новгородскими жрецами еще в IX веке с использованием особого алфавита, что должно доказывать существование письменности у восточных славян еще до Кирилла и Мефодия. В этом же ряду стоят "Песни птицы Гамаюн" — некоего рода "русская Эдда"; имеется значительно больше оснований считать эти произведения литературными мистификациями, чем подлинным фольклором, эпосом. В ложном положении окажется всякий, кто захочет комментировать их эзотерически.] Прежде чем ее комментировать, было необходимо провести ее литературоведческий, лингвистический анализ и т.д. [*примечание автора*: А чего стоит утверждение автора, будто бы в образе Егория-Храброго в былинке выступает русская Душа Народа? Любому литературоведу, не имеющему никакого отношения к эзотерике, да и просто читателям в России известно, что Егорий — это Св.Георгий, Георгий-Победоносец.]

С другой стороны, автор без тени смущения рекомендует нам одну из своих книг читать по большим церковным праздникам. — Вроде как Святцы, что ли? В книге о прощении он рекомендует нам взять за образец Визенталя — человека, являющего собой образец непрощения. Выходит, автор считает, что некоторые люди обладают правом такое хорошее качество не иметь? Нельзя же, берясь за серьезнейшие проблемы, бросать их потом на произвол судьбы.

Существуют определенного рода "умные дяди", которые уже давно поняли смысл происходящего. И вот они делают предложение: а не желает ли он описать свой жизненный путь, хотя бы под видом "пути к книге"?

Когда я прочел нечто такое, что сразу навело на мысль о "Mein Lebensgang", то сказал себе: если бы это была биография, а не автобиография, то пришлось бы тут же признать, что речь в ней идет о значительной, очень значительной личности. Но тут-то — автобиография! Она небольшая, но и жизненного пути-то еще толком нет. Для "умных

дядей" она "прозрачна", как школьные сочинения, по которым учитель видит все, чем живут его подопечные. Я не могу подробно анализировать ее, поскольку каждое слово будет воспринято крайне болезненно. Посмотрите ее сами. Вот первая страница. Там говорится, что он хотел "отклонить" предложение писать ее, т.к. постоянно стремится "исключить" из своей работы все "личное". И вслед за тем: написание книги было связано с "определенными духовно-окультурными переживаниями"!

[*примечание автора*: Несколько лет спустя мы читаем у него: "Книга "Духовные задачи Средней и Восточной Европы", посвященная духовному развитию Германии и России, имеет свое объективное значение благодаря теме, но ее можно также рассматривать как часть собственной (*чьей?*) биографии (таков стиль оригинала, — *Авт.*), как задачу, которую поставила мне судьба, которая сделала меня посредником между двумя народами. Взаимное понимание этих народов, прежде всего на духовнонаучной основе, ...я поэтому рассматриваю, как одну из моих важнейших задач". Получается, что имеются книги, субъективные уже благодаря теме. А что такое книга объективная благодаря теме и в то же время — часть биографии автора? Я уж не говорю о том, что взаимопонимание народов не может составлять задачи земного человека; он может взаимопониманию только способствовать. Ну, а что касается Судьбы, которая кого-то делает посредником между целыми народами, тут остается лишь развести руками, тут говорят Архаи. Мне же, как простому смертному, хочется сказать, что подобные декларации насквозь субъективны и к существу Антропософии не имеют ни малейшего отношения, как и к народам.

Однако пусть читатель наши критические замечания не расценивает как намерение полностью перечеркнуть деятельность нашего автора. В целом она имеет правильное направление. Но тем досаднее читать все вновь и вновь появляющиеся опусы, которыми он сам профанирует суть своего дела. В таких случаях задача критики — поставить зеркало перед берущимся за перо и позабывшем о священном долге саморефлексии.]

В Антропософии, как известно, нужно непременно сначала доказать объективность своих сверхчувственных переживаний, а уж потом заводить о них речь. Иначе лучше о них помалкивать.

Подошли "умные дяди" и во второй раз — с предложением выступить с критикой книги Вернера Хавербека. Сами в своих статьях ограничились общими фразами и повели себя достаточно корректно, нашего же автора распалили настолько, что он принялся публично оскорблять пожилого человека. Кроме того, он оказался в одной компании с Линденбергом, и теперь возникает вопрос: он что — вполне разделяет и нападки того на Рудольфа Штайнера?

В силу особого склада судьбы нашему автору было дано проникнуть внутрь цитадели, где остановлено движение духа, и, находясь там, надлежало помочь другим войти туда, чтобы работать над спасением Общества, над возвращением прав свободной духовной жизни.

Но, оказавшись внутри, он все принял на свой счет. Вскоре это поняли "умные дяди", которым велено караулить у ворот. В акробатическом прыжке назад с разворотом, они все же настигли его. Поэтому они теперь пишут, что такая-то его книга — "подарок" для всех нас, а такая-то служит для нас "нравственным уроком", и т.д. У ворот же между тем выставили усиленную охрану, велели также сторожить и у книжных магазинов, дав всем строгий приказ: "На ружейный выстрел не подпускать никого, кто придет без высшей санкции на раскрытие рта".

У Василия Шукшина в сказке "До третьих петухов" герой русских народных сказок Иванушка-дурачок в своих странствиях по inferнальным сферам современной социальности набредает на монастырь, который осадили черти и соблазняют монахов прелестями цивилизации. Когда он приходит к монастырю во второй раз, то уже издали слышит, как некий хор напевает разухабистую песню:

Аллилуйя — вот.

Три-четыре — вот.

Шуры - муры,

Шуры - муры.

Аллилуйя-а!

Аллилуйя-а!

Мы возьмем с собой в поход

На покладистый народ —

Политуру.

Политуру...

Наше вам

С кистенем;

Под забором,

Под плетнем —

Покультурим...

Далее в сказке рассказывается: "Когда наш Иван пришел к монастырю, была глубокая ночь; над лесом, близко, висела луна. На воротах теперь стоял стражник-черт. Монахи же

облепили забор и смотрели, что делается в монастыре. И там-то как разшел веселый бесовский ход: черти шли процессией и пели с приплясом. А песня их далеко разносилась вокруг.

Ивану стало жалко монахов. Но когда он подошел ближе, он увидел: монахи стоят и подергивают плечами в такт чертовой музыке. И ногами тихонько постукивают. Только несколько — в основном пожилые — сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... Но вот диковина: хоть и грустно они покачивали, а все же в такт".

Часто перечитывая эту сказку, я не могу отделаться от горестной мысли: а не происходит ли что-то подобное и с нашим "монастырем" — будь то в Москве, в Дорнахе или где-либо еще на Западе? И не описал ли Шукшин "в изменившихся условиях нового времени" судьбу юноши из Гетевской "Сказки о зеленой Змее и прекрасной Лилии"?

* * *

Рудольф Штайнер учил нас: если с одной стороны подступает Ариман, то с другой ищите Люцифера. Эти духи, конечно, действуют через любого из нас, но дело заключается в мере их действия. С ними нужно быть начеку. Упустив это сделать с одной стороны, мы непременно попадаем впросак и с другой. Антропософы слишком долго потакали ариманическому окостенению Общества. Теперь силы ариманического рода выступают "без покровов". Вы только присмотритесь к деятельности таких "светочей" нашего Общества, как Лиссау или Линденберг. Нет ничего наивного в их поведении; напрасно потеряет время всякий, пожелавший их переубедить. Куда полезнее постараться понять методы их разрушительной работы. Например, у Линденберга они таковы. Первый метод состоит в том, что он порой ведет себя наподобие бравого солдата Швейка. Вы, например, говорите о симптомах американизации европейской культуры или о непоследовательности в поведении самого Линденберга, а он вам в ответ: "А вы знаете, у вас воротничок подвернулся". Именно в таком стиле он вдруг заявляет, что Рудольф Штайнер выходец из пролетариев.

Первый прием он разбавляет вторым, вводит то, что ранее было уже описано как аллюзия. Появляется написанная им биография Рудольфа Штайнера, а на обложке дан рисованный портрет невесты кого, сделанный каким-то любителем. Почему выбран такой портрет? Я мог бы выложить перед читателем десяток нарисованных точно в такой же манере, ракурсе портретов "диктаторов пролетариата" — Троцкого, Дзержинского, Луначарского, Свердлова — и поместить среди них тот портрет "пролетария" Штайнера, и, могу заверить, никто из не знающих "диктаторов" в лицо, не угадал бы, где там изображен Рудольф Штайнер.

Любит Линденберг побаловаться и наукообразной фразой, полагая, что все антропософы сущие профаны в сравнении с ним. Однако и здесь все делается с глубинным *подвохом*. В той биографии он "радует" нас открытием, что "Философия свободы" — работа не теоретикопознавательная, ее следует отнести к направлению "философской

антропологии". Но, если по этому вопросу говорить содержательно, то прежде следует уточнить, в каком смысле берется само понятие философской антропологии: в широком? — тогда она представляет собой не более, чем слабое предчувствие (его в конце XIX века имела вся цивилизация) того, что нашло свое выражение **в антропософски ориентированной Духовной науке**; в узком — это "философия жизни" Дильтея, феноменология Гуссерля, идеи Макса Шелера о сведении воедино различных наук о человеке; наконец, прагматизм, структурализм — они тоже могут быть отнесены к этому направлению философской мысли. Что на этом фоне можно сказать о "Философии свободы"? А то, что она представляет собой блистательное **увенчание** всех теоретикопознавательных изысканий, начатых еще досократиками, поскольку возводит эту науку в ранг **науки посвящения** совершенно нового рода!

Принизить эту ее роль, свести ее к частному философскому направлению, что вырывает ее и из общего содержания Антропософии, — значит исказить до неузнаваемости смысл и значение этой книги, что хорошо понимает Линденберг. В его нападках на Антропософию особенно отгалкивающее впечатление производит сам способ, каким он это делает: мелко, склочно.

[*примечание автора*: Недавно мне довелось познакомиться с полемикой, в которую с Линденбергом вступили Томас Кивелиц, Эдгар Форстер и др. Им удалось отчасти поставить Линденберга на место. Он даже вынужден был признаться в своей частичной некомпетентности, но только для того, чтобы отвлечь внимание и тут же продолжить нападки на Рудольфа Штайнера в еще более скверном тоне. Этот факт еще раз показывает, что публикации Линденберга не дискутабельны. Вместе с тем видно, что, встречая отпор, он ведает страх, так что в ответе своим критикам даже заводит речь о том, что "будучи учеником Рудольфа Штайнера, человек ("человек" — не г-н Линденберг) может у него научиться...".

Этим примечанием я хотел бы еще раз показать читателю, что выбранный мною метод анализа выпадов Линденберга является единственно правильным.]

Куда порядочнее было бы прямо сказать: "Не нравится мне ваша Антропософия и ее творец; тайны кулис разоблачаете; ненавижу вас за это!" Так нет, он предпочитает подтасовывать факты и просто лгать. Он, например, обвиняет Рудольфа Штайнера в том, что он необдуманно хватался за некоторые сведения, а потом отбрасывал их, но не сознавался в сделанных ошибках. Так это якобы было с книгой "Мысли во время войны". "Рудольф Штайнер, — пишет он, — не разрешил повторно издавать эту книгу. Я лично сожалею, что он не сказал открыто: я не хочу переиздавать эту книгу, поскольку в ней я исходил из предположений, которые больше не действительны. Но имплицитно он это высказал". ([*4](#))

Увы, г-н Линденберг, не "имплицитно", а самым непосредственным образом из 1921 года

звучит слово Рудольфа Штайнера, изобличающее вашу ложь! В лекции, прочитанной в Штуттгарте 2 января 1921 г. ([ИПН. 338](#)), он говорит: "Прочтите то важное указание, которое не было понято в свое время — как не была понята и вся книга, — важное указание, которое я дал в моей книге "Мысли во время войны", что немецкий народ не виновен в возникновении войны. Прочтите то важное указание, а также подзаголовок книги, в котором сказано, что книга адресована немцам и тем, кто полагает, что не обязан ненавидеть. Ибо я знаю совершенно точно: только у таких людей можно надеяться встретить понимание. Однако, в то время я таких людей найти не смог, хотя испытывал побуждение выпустить книгу вторым изданием. Но мне пришлось от этого намерения отказаться, поскольку в дело вмешались люди, которые считали себя обязанными ненавидеть немцев. В Германии же о таких вещах предпочитают помалкивать. Книга имела бы значение лишь в том случае, если бы была принята полностью, со всей ее фактической основой", и т.д. [*примечание автора*: См. также лекцию от 16.1923 ([ИПН. 258](#)). (Я советую антропософам прочитать ту лекцию целиком; **в ней одной они найдут большую часть того, о чем шла речь в этой книге.**)]

[*примечание автора*: Иной честный, но побежденный абстрактным рационализмом эпохи ум может быть все-таки спросит: но что делать с несовпадающими по смыслу высказываниями Рудольфа Штайнера? Для такого читателя следует еще раз подчеркнуть, что Рудольфом Штайнером дана система знания, Духовная наука, необыкновенно обширная и глубокая по содержанию. Ею, как и любой наукой, необходимо овладеть активно, начиная с методологии. Наука, взятая без методологии, не более, чем курьез. Ни в какой науке не допускается выхватывать отдельные фрагменты, слова и с их помощью пытаться опровергать науку в целом. Закон всемирного тяготения в земных условиях производит одно действие, во внеземных — другое, в мощных электромагнитных полях — третье, однако никто не ловит на том Ньютона и не обвиняет в противоречиях. Необходимо овладеть методологией Духовной науки, чтобы мыслить в ее духе. Рудольф Штайнер создал метод и направление познания, в котором все мы, антропософы. — научные сотрудники. Господа, типа Линденберга и Лиссау, сначала навязывают нам роль сектантов, а потом начинают с нами борьбу как с сектантами.]

А теперь у меня два вопроса к здравомыслящим антропософам. Первый из них: почему вы считаете, что Бернارد Шауб не должен далее работать с детьми, а вот Линденберг — это образцовый вальдорфпедагог?

Второй вопрос: почему на делящиеся уже многие годы выходки Лиссау и Линденберга не откликается ни один из пишущих антропософов? ни один не решается выступить на защиту Рудольфа Штайнера и его Духовной науки от ошельмований в нашей собственной среде? Не означает ли это, что все, кроме откровенно трусящих, уже "прихвачены" орденами и ложами?

Основание для такого хода мыслей можно также найти у Рудольфа Штайнера. Он говорит

в одной из лекций: "Это было бы просто великолепно, если бы, к примеру, в Средней Европе нашлось хотя бы несколько человек, которые, побуждаемые некими масонскими импульсами, поняли бы каким значением обладает кое-что из того, что я развиваю здесь перед вами в последние два года относительно определенных тайных обществ, существующих в мире. Но тут сталкиваешься — разумеется, хотел бы я сказать — лишь с глухими ушами. Ибо позицию масонства в Средней Европе в последние десятилетия бесплодной не назовешь. Это обнаруживается уже в том, что все снова и снова приходится подчеркивать, **что наталкиваешься на сопротивление, когда защищаешься от того, чтобы на антропософски ориентированную Духовную науку не наносилась амальгама средневропейского масонства.** ... к людям будут предъявляться определенные требования, если они желают найти себя в антропософски ориентированной Духовной науке" ([185](#); 26.X).

Так говорил Рудольф Штайнер в 1918 г. После того была еще одна война, потом 40 лет "перевоспитания", которое, вне всякого сомнения, в наибольшей мере коснулось средневропейского масонства в плане его *безоговорочной* переориентации на Запад. Я могу судить об этом на основании судьбы русских масонов, эмигрировавших после революции из России.

Поэтому все, о чем шла речь в этой книге, не только несомненно верно, но просто разумеется само собой. А это значит, что мы воображаем себя живущими в мире, которого уже нет. То, что окружает нас, есть всего лишь *застоявшаяся тень исчезнувшего мира*, мираж, ежедневно воссоздаваемый средствами массовой информации и нашим самовнушением. И пусть меня не упрекают в пессимизме. Всякое бытие возможно лишь при наличии определенных, обуславливающих его законов. И если все они упразднены или заменены на другие, враждебные бытию, то за счет чего оно может сохраняться?

Резюмируя вышесказанное, можно следующим образом охарактеризовать общее положение в АО:

1. Во Всеобщем Антропософском Обществе правят — этой правде нужно посмотреть в глаза — люди, подчиненные строгой дисциплине тайных обществ и орденов. Они назначают своих представителей на должности руководителей ветвей и национальных АО, как только они оставляются старыми, верными Антропософии людьми. Своих людей они окружают группами единомышленников, которые всегда и везде поддерживают таких руководителей, а заодно и следят за ними. И если кто-то из них позволит себе какие-нибудь вольности, непослушание центральной власти, то именно эти "сподвижники" тут же и отстранят его от власти;

2. У нас отнята духовная родина, какой на Земле был для нас Дорнах; в Дорнахе, в Гетеануме мы уже "чужие". Глубокий трагизм такого положения способен понять лишь тот, кто его пережил.

Говоря о "комплексе сил", надеющихся сжить нас со света, нельзя не упомянуть еще об одной, которая коренится в оппозиции к Всемирному Антропософскому Обществу. Оппозиция бывает разная, в том числе продуктивная. Но порою встречаешь такое, что

хоть плачь! Расскажу об одном случае, о беседе с двумя оппозиционерами. Они сказали мне буквально следующее:

—Тебе надлежит обдумать свое отношение не только к "Наследию" (имеется в виду издательство), но и ко всем книгам Штайнера, которые издала Мария Штайнер. На них лежит печать супостата, и всякий, берущий их в руки, оскверняется, совершает грех, его карма отягощается. Было бы лучше всего все эти книги сжечь.

Едва владея речью от изумления, я спросил:

—Но как тогда познакомиться с сообщениями Рудольфа Штайнера, как изучать Духовную науку?

—Ждать,— последовал ответ, — когда книги издаст кто-нибудь другой.

—А если я к тому времени успею помереть? — спросил я.

—Значит, такая у тебя судьба, — ответили мне. — Лучше чего-то не дочитать, чем мучиться после смерти.

—Но может оказаться, — продолжал настаивать я, — что тогда в мире вообще не будет условий и возможности издавать эти книги. Например, в России, что успели издать до 1917 г., то и осталось. — В ответ на это я лишь услышал:

—На все воля Бога.

В этом рассказе я ничего не преувеличил и ничего не добавил от себя. В конце того разговора я лишь заметил моим собеседникам, что сам римский папа не смеет объявить такого запрета, после чего собеседники покинули меня как совершенно безнадёжного человека.

Такова та усложненная реальность, в которой мы живем и занимаемся Антропософией в конце XX века. Ее открытые враги — это теперь наименьшая из всех опасностей, хотя безобидной ее никак не назовешь. Вслед за нею идут скрытые враги, выдающие себя за друзей. И, наконец, как самое трудное и опасное, встают друзья Антропософии, которые "не ведают, что творят". — После того, как я выступил с моей брошюрой "Голос с Востока", не кто другой, как наш "автор" "со товарищи", исполняя заказ Генсека ВАО, помчался в Москву собирать против меня "документы". Первое, что пришло ему на ум, — конечно, популярное, советское: коллективное письмо "общественности" с подписями. В Гетеануме меж тем завели на меня "дело", о чем уведомили всех членов Антропософского Общества; начали "процесс", ну прямо по Кафке. (Не устаю удивляться гениальной интуиции этого человека). Но на все это я хотел бы сказать гонителям: [*примечание автора*: А сказать я что-то должен, поскольку духовная свобода в АО аннулируется с такой скоростью, что близок уж момент, когда, как в Советском Союзе, над тобой будут измываться все, кому не лень, а тебе в ответ на это не дадут опубликовать и двух слов.]

— Дамы и господа, моя "вина" (которая, по мнению наших руководителей, состоит в том, что я не прекратил в свое время по их "совету" один очень важный вид духовной работы), на самом деле, состоит в том, что в кромешной тьме тоталитаризма и бездуховности я осмелился засветить лампаду перед Богом. Теперь мне кричат: "Ты почему ее не погасил, когда тебе велели? Ты почему налил в нее масла по края, когда тебе разрешили плеснуть лишь на донышко?"

Отвечаю; я поступил так потому, что засветил ее перед Богом. А вас в свою очередь спрашиваю: что с вами? Вы что, — забыли, какому Духу служите? Смотрите, как бы не случилось с вами по слову апостола: "Бог будет бить тебя, стена подбеленная". (Деян. 23, 3).

Многие из прочитавших мою брошюру с приложением почему-то решили, что я там прошу о помощи и отстаиваю мой интерес. Нет, я хотел сказать прямо противоположное; помогите *себе!* Ибо, если в самом центре возводимого вами 70 лет Общества могут так обходиться с людьми, то что же за Общество имеее вы?

А еще меня потрясла атрофия нравственного чувства, неспособность переживать отношения нравственно, стремление перевести их в одно лишь юридическое русло. Мой случай тем и интересен, что все в нем может быть решено только нравственно, а иначе ничего решать не надо. Здесь, действительно, между Востоком и Западом что-то разверзается. Я не хочу сказать, что у нас нет безнравственных людей, однако если все-таки речь о Духе заходит всерьез, то все у нас тогда определяет нравственный подход. Тогда не столько важно, что ты говоришь, сколько — каков ты. И так должно быть среди антропософов повсюду, иначе нас задушат "неофарисеи" и "неосаддукеи".

Руководительница одной ветви в Германии пишет мне; "Я никому в ветви вашу публикацию не покажу." — Выходит, она лучше самих членов ветви знает, что им следует, а чего не следует читать; не спросив на то ни у кого позволения, она берет на себя право определять духовную жизнь своих подопечных. Но не такова ли и церковь? Так может быть, членам той "ветви" лучше вернуться в нее, чем ждать, когда та ветвь окончательно "иссохнет"? А ведь известно, что сухие ветви "срубают и бросают в огонь". Да, Антропософское Общество, действительно, самое неподходящее место для сна. Здесь можно уснуть в "ветви", а проснуться в ужасной Камалоке, — опасность тем более вероятная, что занятие командных должностей в АО принимает едва ли не наследуемый характер. Правящая фигура сама выбирает себе преемника, долго и основательно проверяет и испытывает его на предмет полной идентичности с собой; потом приучает всех подчиняться ему и понемногу, приходя в ветхий возраст, начинает передавать ему власть.

* * *

Не из желания враждовать я говорю всем, кто имел глупость заняться в Антропософии стяжательством, карьеризмом, наживой: Идите лучше во внешний мир и там занимайтесь

всем этим. Там, если даже вы получите желаемое с помощью грубого насилия, разбоя, ваша космическая судьба будет легче, чем та, которую вы готовите себе у нас .

Если кто-то ощущает зуд плоского миссионерства и проповедничества, — примкните к любой конфессии. Будет вам там и почет, и поклонение, и неплохое жизненное обеспечение. Для вечной же судьбы все обернется меньшими проблемами.

Все те, которые по ошибке набрали на Антропософию, имея врожденную склонность к темному и атаквистическому оккультизму, оставьте ее, ибо место сие свято, и дабы не впасть вам в руки "Бога живого".

Но я ничего не хотел бы советовать тем, кто влез в Антропософию и Общество, чтобы разрушать их изнутри. Лишь опыт грядущей Камалоки способен научить их не играть с огнем. Впрочем, и они могли бы помочь себе, решившись бороться с Антропософией извне.

Одному человеку не по-силам решать вопросы о том, как изменить, улучшить положение дел в Обществе (да и не в один момент их можно решить), но некоторые фундаментальные положения абсолютно ясны уже теперь. Общество непременно должно быть достойным представителем антропософского дела в мире. А это значит, что решающую роль в нем должны играть люди, владеющие как внешней наукой, так и Гетеанизмом. Как ученые, они должны быть эффективнее, чем обычные ученые и в сфере прикладных наук, и в *методологии*, и в *философии науки*. Далее, антропософы должны *являть* собой некий результат духовного познания, т.е. должны быть нравственнее, ибо, если они будут как все, то для чего нужна Духовная наука? Быть антропософом, значит "жить по-антропософски". Если этого нет, то зачем АО? Оно тогда становится сектой странных людей, владеющих колоссальными познаниями и обуреваемых элементарным эгоизмом, честолюбием, повышенной раздражительностью.

Нужно дать себе в том отчет: своим бытием, всем составом того, как мы живем,мыслим, чувствуем, мы привели Общество к состоянию, в котором оно не может существовать. И тем не менее, оно существует и является объектом для захвата и манипуляций разного рода оккультных дельцов закулисного мира. Не лучше ли в таком случае нам разойтись, жить дальше и работать без формальной организации? Не будет АО, не будет и прецедента для фальсификаций и профанации. А если не расходиться, то нужно много переделать и в Антропософском Обществе, и в себе.

Начать следует с себя, необходимо привести себя в реальное соответствие с теми элементарными нормами нравственности, которыми уже не одну тысячу лет руководствуется все культурное человечество. Только нужно не подчиняться им, а принять их свободно, с радостью, зная им цену. Этот минимум составляют заповеди Моисея и еще одна, новая: Возлюби Господа Бога твоего, Христа Иисуса всем сердцем и всеми илами ума. *Умная любовь — это краеугольный камень антропософской нравственности.*

Быть может кому-то покажется, что сказанное звучит теологично. Но такой упрек был бы

справедливым в том случае, если бы я с этого начал, не предпослав моим словам всего, что стоит в книге. Именно тогда мы и совершаем ошибку, когда оказываемся неспособны от языка ума перейти к языку сердца. Я очень много видел и натерпелся от грандиозных целей, намерений, замыслов, которые возникают в людях при отсутствии элементарной порядочности, и потому научился ее ценить.

Иной старую мораль шибко перерос, а до новой пока не дотянулся. И вот разъезжает он по городам и весям, учит законам кармы, рассказывает о Божественных Иерархиях, о перевоплощении, а ведет себя так, как будто для него самого всего этого не существует. Не нужно тут прикрываться филистерским: "Все мы не Ангелы". — Да, не Ангелы, но и "чертогону" нечего предаваться, нечего потакать слабостям, чтобы они нам не надоедали, — ибо они неисчерпаемы. Во внешнем мире есть общественные регуляторы прямого эгоизма: "око за око, зуб за зуб" и т.д. У нас же сплошь и рядом встречаешь: "молодец среди овец".

Таким образом, дело сводится к возможно большему *уяснению* реального положения вещей и к выработке на его основе некоего рода *"общественно-духовного" договора*, позволяющего создать те непереносимые минимальные условия, при которых Антропософия и Общество могут развиваться соответствующим их природе образом; со временем преобладающее настроение в АО стало бы таковым, что отступление от тех условий имело бы вид бестактности, и тогда — каждый, приходящий к нам, не обманывался бы в своей надежде найти добрые человеческие отношения в современном обезумевшем мире. **Я не говорю, что добрых отношений у нас вовсе нет, но, что им нужно придать господствующий характер.** Познание, развиваемое при соблюдении таких условий, принесет укрепление "я", а с ним — примеры более высокого состояния духа и нравственности.

Предвижу неистовые обиды, смертельную вражду, которые обрушатся на меня, если только этой книге суждено увидеть свет. Но все это я рассматриваю как неизбежное побочное следствие "хирургического" вмешательства в очень застарелую болезнь. Кому-то, в конце концов, нужно было это сделать, чтобы для всех стало ясно: почему в АО возник глубокий кризис? А причин у него по меньшей мере три:

1. Силы распада цивилизации пронизали структуры АО, Движения и их членов. Члены Общества, вместо того, чтобы со всей активностью нести Антропософию в мир, позволили "миру сему" внести силы упадка в Общество, потеряли инициативу и сами все больше поддаются влиянию нездорового образа жизни, извращенных социальных отношений, делаются рабами господствующих в мире идеологий, лжи.

2. Антропософы не постигают Духовную науку научно, отчего сообщения Рудольфа Штайнера принимаются на веру, а при малейшем напоре супостатов люди отрекаются от ими же измышленной веры.

3. Антропософам не хватает сил, серьезности, чтобы удержаться в эзотерическом, не хватает сил для перерождения, метаморфозы. Они в подавляющем большинстве не способны проходить через гетевское "умри и будь".

В силу указанных причин, АО представляет собой удручающее зрелище. Меня могут спросить: почему ты не использовал жизнерадостные краски? В ответ я тоже спрошу: скажите мне, можно ли назвать печальным "Откровение" Иоанна или прогнозы Рудольфа Штайнера? — Своим вопросом я хочу сказать, что в этой книге я занимался преимущественно диагностикой. Тот, в ком много сил умирания, воспримет книгу как личный упрек. Но у кого достаточно жизненных сил, получит благодаря ей побуждение к активности, к усилению работы ради обновления Общества и всего Движения.

Но если все у нас останется по-старому, то трагический конец Общества предreshен. Те силы в нем, о которых у нас так долго шла речь, ведут между собой борьбу-игру, в которой ставки все время повышаются. В Антропософском Обществе и во всей антропософской среде такие "ставки" имеют вид профанации и подмен. ***Рано или поздно они станут настолько "высоки", что ни один честный антропософ не согласится быть свидетелем, а тем более участником этой "игры"***. Жизнь в АО все теснее будет сплетаться с процессами, происходящими во всем мире и ведущими его к "малому Апокалипсису". Противостояние "левых" и "правых", "националистов" и "интернационалистов", "евразийцев" и "атлантистов" будет только обостряться. Поддержка "атлантистами" левых повлечет за собой радикализацию "правых". И тем и другим в нашей среде станут все больше помогать извне.

История с Бернардом Шаубом — яркий тому пример. Он важен для нас двойным смыслом: в нем, кроме указанной далеко идущей и чрезвычайно опасной для нас спайки неких сил, проявилось и то дополнительное действие (оно, может быть, даже является главным) противостоящих сил, которым уничтожается, раздавливается здоровая середина. — Шауб ни в коей мере не пытается реабилитировать национал-социалистическое прошлое, но это-то как раз и не устраивает его критиков. Они всячески стараются замолчать эту сторону его взглядов на немецкую историю и тем выдают себя.

Нашим ***честным руководителям*** всех уровней я бы посоветовал уже теперь готовиться к вызовам в суды, где им придется защищать Антропософию от обвинений в расизме, антисемитизме и еще каких-нибудь "измах". Уже давно обвиняют нас в "интернационализме", другие называют пособниками шовинизма. Также и впредь одни будут клеймить нас как "пособников реакционных сил", "темных мистиков", попросту назовут "масонами", другие — "неонацистами". В этом последнем обвинении возможно сойдутся и "левые" и "правые". Хотя, что значит "сойдутся"? — они уже сошлись! Вспомните только серию статей в "Шпигеле" некоего Петера Брюгге. Примерно в то же самое время с элементами того же стиля появлялись статьи с критикой Антропософии и в Союзе. Уже тогда западногерманские специалисты и московские коммунисты рыхлили почву для разделения всех людей на "фашистов" и "антифашистов". Люди из нашей же среды укажут "внешним" — кого "брат" и о чем спрашивать. Для нас в мире в неотдаленном будущем создастся положение, мало чем отличное оттого, которое было при большевизме и национал-социализме.

Чтобы не оказаться сбитым с толку в столь усложняющихся социальных условиях, необходимо понять хотя бы их главный, первичный феномен.

Л. Синьорелли. Проповедь Антихриста.

Он заключается в следующем:

С Запада, под маской гуманизма, свободы, борьбы за права личности возрождается неомошеви́зм, — "новый порядок", азурическая власть и религия, светская по форме и черно-магическая по содержанию.

Своего главного врага она видит в Антропософии, ибо только в Антропософском Движении имеется возможность распознать ее суть. Все остальные духовные, политические, социальные силы в мире ею уже подорваны. Не будем обольщаться пестрым карнавалом демократии, который она устраивает, чтобы до поры скрыть свой животный лик. С национал-большеви́змом в современной России у нее нет никаких противоречий, как и с интернационал-большеви́змом. Они союзники и решают одну главную задачу: *устранение из исторического процесса народов Центральной Европы и России.*

Немало людей в антропософской среде уже поставило себя на служение неособоевизму, а то и просто большевизму в его старом обличье, что почему-то не считается преступлением. В первую очередь это журналисты, поскольку в их руках теперь находятся центры фабрикации лжи. Поэтому главная опасность для нас — опорочивание, компрометация и клевета на Антропософию, распространяемые нашей прессой, типа той, которой занимаются Арфе Вагнер, Енс Хайстеркампф и др. Не нужно удивляться противоречиям, непоследовательности и безосновательности клеветы на Антропософию. В связи с близящейся инкарнацией Аримана лгать становится самоцелью и ложь принимает почти вещественный характер. Подобно тонкому яду она пропитывает всю земную атмосферу и нужно большое напряжение духовных и нравственных сил, чтобы тем ядом не отравиться.

Всегда будут существовать люди, в том числе и в нашей среде, не способные вместить знание о безграничной экспансии лжи. Кто-то из них, несмотря ни на какие факты, станет вопрошать: "Но неужели этот пресловутый Арфе Вагнер и подобные ему не понимают, каким силам они служат?" — Ну, до конца, скорее всего, — нет. Лишь позже будет понятно, что неособоевизм, напоздающий с Запада, таит в себе **соединенную силу трех папств: красного, черного и белого**. Новейшая окающая (ни в коей мере не "святейшая") инквизиция тройственного папства уже 80 лет искореняет, как ересь, всю духовную жизнь Европы. На новом, ближайшем этапе она предстанет без покровов.

Троцкий, Ленин, В.Вильсон, Гитлер, Трумен, Рузвельт, Черчилль, Горбачев, цитированные нами выше писатели: Кауфман, Ницер, Калерги, Эренбург и многие, многие другие (потребовались бы многие страницы, чтобы перечислить их всех) — все они являются служителями той силы, что в новой эпохе выступает как **большевизм тройственного папства**. Пусть кто-то в этом ряду лишь отчасти ведал или ведает, что творит, — для судеб человечества это не имеет никакого положительного значения, как и желание современников искать себе в том ряду образцы для подражания.

* * *

В последнее время пошли разговоры о намерении создать что-то вроде 2-го класса. Давайте сразу пойдем, что это означает. За подобными разговорами скрывается намерение проделать с нами тот же самый "фокус-покус", который иезуиты проделали с масонами, учредив у них высшие ступени, на которых исчезают плоды нижних. Так и мы рискуем потерять то, что дает 1-й класс. Кроме того, хотят образовать элиту и отделить ее от массы "профанов", ввести новые факторы власти (которыми уже стал и 1-й класс) и создать пищу для честолюбия. Но нужно помнить, что **только великим посвященным дано учреждать на Земле и развивать места новых Мистерий**. По аналогии с Союзом мы вошли в период "перестройки". Будут предприниматься попытки "встроить" Антропософское Общество в объединенную Европу, сделать из него некоего рода "антифашистский центр", для чего потребуется дискредитировать и изъять значительную часть духовнонаучного содержания. В вальдорфских школах будут все больше протестовать против упоминаний об Антропософии. Что касается истории Средней

Европы, то, я думаю, ее уже и сейчас там преподают в духе Лиссау и Линденберга. Начнется издание циклов лекций Рудольфа Штайнера с большими купюрами. Одним словом, победит линия Лиссау-Линденберга. Число ее приверженцев постоянно возрастает. [*примечание автора*: Я должен сделать поправку и сказать: "бурно нарастает", если учесть хотя бы то, что появилось в антропософской печати в период с апреля по август 1993 г.] В течение вот уже нескольких лет с усилиями, заслуживающими лучшего применения, г-жа Краузе-Циммер пытается развенчать все известные нам портреты Христиана Розенкрейца. Зачем ей это нужно? Ей дорога историческая правда? Для нее важны факты истории? Но она обращается с ними по методу г-на Линденберга. А таким методом каких только доказательств не было представлено в наш век. С фактами в руках доказано, что Иисус Христос не мог жить ввремя Пилата. Однажды московские культурологи в шутку доказали, что таких поэтов, как Андрей Белый и Александр Блок, не существовало; это просто псевдоним одной личности. Шутка на первый взгляд выглядела весьма убедительно.

Но если говорить серьезно, то мы должны знать, что великие посвященные не из честолюбия позволяют рисовать себя и фотографировать. Им важно углубить связь с **возможно большим** числом людей, на служение которым они себя поставили.

Не следует, конечно, игнорировать и факты истории, только обращаться с ними нужно гетеанистически и брать их в большой совокупности. Мне, например, рассказывали об одном пожилом антропософе, который в молодости посетил музей в Голландии, где хранятся записные книжки Рембрандта, и сам читал в них запись о посещении художника неким гостем, который учил его передачи светотени. Когда, после публикации статей г-жи Краузе-Циммер, антропософ снова поехал в тот музей, то записных книжек ему не показали, доступ к ним оказался закрыт.

Может случиться, что Антропософское Общество разорвется надвое. Одна часть уйдет в сферу романского влияния. Там даже может состояться некоего рода "канонизация" Рудольфа Штайнера. Я бы рекомендовал антропософам внимательно прочесть книгу известного теолога-иезуита Б.Грома об Антропософии. ([*5](#)) На две трети ее содержание представляет собой совершенно позитивное и грамотное изложение учения Рудольфа Штайнера, а в последней трети предлагается сотрудничество, например, в области педагогики, где, как пишет автор, у иезуитов тоже есть большой опыт, необходимо только с обеих сторон пойти на какие-то компромиссы и т.д. [*примечание автора*: Вспомним по этому поводу еще раз о компромиссах Вальдорфской школы в Москве]

Другую часть Общества попробуют окончательно встроить в структуру оккультизма западных тайных обществ и в объединенную Европу. Там тоже придется пойти на компромиссы в попытке соединить мертвые мумифицированные культы с живой водой духа. "Как достигнуть познания высших миров?", "Философия свободы" будут, подобно Гегелю, переживаться медитативно, но лишь в узких кругах оккультной аристократии; всем прочим будет дана "философская антропология".

[*примечание автора*: Ранее в книге я приводил образ черта, который таскает горячие угли, перекидывая их с руки наруку. Что-то подобное наблюдаешь в попытках оккультно-политических сил схватить "пылающий уголь" Антропософии. Для "левых" в этом смысле особенно характерна публикация Брюгге, вышедшая потом в виде отдельной книги (Die Anthroposophen. Spiegel-Buch, Rovoht, 1984). **У них прием такой: все, что они желают прибрать к рукам, они сначала оплюют, вывалят в грязи, чтобы другие потеряли к нему интерес, а тогда спокойно присваивают.** В таком стиле пишет Брюгге, и именно этим занимаются Линденберг и Лиссау. Книга же Грома характеризует подход и намерения противоположной стороны. Это все-таки поразительно, что ни один антропософ не реагирует на такие публикации. Косвенно такое поведение также свидетельствует о том, что за кулисами АО идут фундаментальные "разборки" и до его судьбы никому дела нет. Но когда делят "шкуру убитого медведя", то непонятно, почему сам-то он не обеспокоен подобным обстоятельством?]

Со временем из открытых публикаций исчезнут также и сообщения Рудольфа Штайнера об эзотерическом Христианстве: под знаком веротерпимости, чтобы "иудаисты и магометане" могли вступать в наше общество. Наконец, со всем наследием Рудольфа Штайнера поступят так, как в свое время Рим поступил с Библией — простым людям запретят читать его книги.

Все более-менее значительные оккультно-политические силы в мире знают о жизненных силах Антропософии, что они способны оздоровить всю цивилизацию, поэтому никогда не прекратятся попытки дать им ложный ход, поставить на служение силам социальных болезней, сделав их этим затычными. Нужно еще помнить, что борьбу с живым духом всегда ведут в широком стиле, например, в борьбе с реформацией не побоялись всю Среднюю Европу ввергнуть на 30 лет в войну, а в борьбе с социальной трехчленностью и со всей Духовной наукой затеять два опустошительных социалистических эксперимента.

К нам, антропософам, из мира Духа звучит: "Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего!" "Держать" — означает бодрствовать и не молчать, быть активным в хорошем смысле слова. И нужно оздоровить Общество. Я не понимаю серьезных антропософов, которые молча самоустраиваются, отходя от АО. Нужно бороться за Дорнах. Там стоит Гетеанум, там стоит "Новая Изида" и далеко не безразлично, что происходит вокруг нее. На сцене Гетеанума ставятся Драмы-Мистерии, "Фауст". Это и многое другое ни в коем случае не должно перейти в чужие руки.

Необходимо ввести новые принципы антропософской жизни, в корне пересмотреть статуы Антропософского Общества. В первую очередь, все в Обществе должно делаться гласно, открыто. Разве это нормально, что мы, зная о каждом дне жизни Рудольфа Штайнера, получили генерального секретаря, председателя, о котором не знаем ничего? Разве это позволительно, имея на каждом шагу нужду в деньгах для практических, научных дел, мы тратим миллионы на содержание метафизической бюрократии? Вполне резонный по нынешним условиям вопрос поставлен в одном из номеров "Инфо-3": "А не

лучше ли сделать музей из Дорнаха?" Музей, конечно, — мера крайняя, но, сделав отношения братскими, не лицемерно демократическими, можно будет все устроить так, что ни за ложным авторитетом, ни за властью, ни, наконец, за поживой никто в Дорнах рваться не станет.

Высказывая эти мысли, я хочу лишь показать, что идеи оздоровления дел в Антропософском Обществе не обязательно искать на Высшем Девахане. Они живут между нами, рождаясь из реальных, а не выдуманных отношений. **Нужно только свободно и открыто обо всем заговорить.** Пусть при этом вмешаются и силы хаоса, и силы зла. Мы увидим, что на свету они куда слабее, чем во тьме.

Наконец, давайте примем всерьез то, что о сущности Антропософского Общества сказал сам Рудольф Штайнер. Я приведу только два его изречения, но если бы жизнь в Обществе была приведена в соответствие с ними, осуществились бы самые заветные наши надежды. Одно, я бы сказал, наставление Рудольфа Штайнера звучит так: **"Бессмысленно считать человека антропософом только потому, что он принадлежит к Антропософскому Обществу, ибо этим тогда предполагалось бы, что все Общество имеет одно общее убеждение, общую догму.** [примечание автора: Я надеюсь, читатель без дополнительных разъяснений сам поймет разницу между кредо и догмой.] **Но такого не может быть. И если бы все Общество — согласно статутам — захотело бы клясться на общей догме, то оно перестало бы быть Обществом, началось бы сектанство"** (135; 5.Ш). И второе наставление:

"Впредь само Антропософское Общество должно стать таким местом, через которое самым непосредственным образом будет протекать эзотерическая жизнь, и которое само действует эзотерически и свое эзотерическое действие осознает". **Необходимо "...признание тех реальных сил, которые должны соединить отдельные, ставшие членами Общества индивидуальности. Эти силы ни в коей мере не могут действовать среди разных абстракций, программ и правил. Единственно лишь наличие реальных человеческих отношений может основать и поддержать в эзотерическом смысле Антропософское Общество. Итак, в будущем все должно основываться на реальном человеческом отношении в широком смысле, на конкретной, а не абстрактной духовной жизни"** (37; стр.382—383).

К этим наставлениям мало отнестись сочувственно. Нужно понять их глубинный смысл, что можно сделать, лишь понимая характер нашей эпохи. Мы часто говорим о том, что в 1899 г. по Рождеству Христову окончилась темная эпоха, Кали-Юга, и началась новая, светлая эпоха, но мало отдаем себе отчет в том, что означает смена таких эпох. Оттого многое приходится принимать на веру, в том числе и идеи социальной трехчленности. Смена эпох продолжительностью в несколько тысячелетий означает качественное изменение самих основ по меньшей мере общественного бытия. Около ста лет мы живем в условиях качественно иного мира и не осознаем этого, принимаем все, происходящее с нами, как временное и где-то, пусть полусознательно, ждем, что вернется старое. Мы тянемся к нему, оно тянется к нам, и потому, несмотря на все наши огромные знания, призраки безвозвратно ушедшего прошлого получают приют и в нашей среде. Давайте окинем одним взглядом весь гигантский процесс нисхождения человека в

бытие земного зона. Что увидим мы тогда в первую очередь? Мы увидим, что сначала этот процесс совершался под непосредственным водительством Божественных Иерархий, потом нас вели великие Посвященные. Когда зарождаются общественные институты, в них стремятся подражать высшему водительству. Но по мере того, как водительство передавалось в руки людей, в нем совершался все больший отход от высших законов развития, к нему все больше примешивался человеческий произвол. И тем не менее, до конца Кали-Юги принцип был таков: **внутри** себя человек имел инстинкты, необузданную природу, которая в течение тысячелетий преображалась из животного-человеческой в человеческую. Внешняя власть имела задачу регулировать эту природу **извне**, обуздывать и воспитывать ее. Поэтому власть требовала подчинения себе. Не случайно о необходимости подчиняться ей говорится в Новом Завете, что власти предержащие "не праздно" носят меч при себе. [*примечание автора*: Хотя перелом наметился уже тогда. Поэтому Христос говорит народу и ученикам: "На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; и так все, что они велят соблюдать вам, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте..." (Мф. 23; 2—3).] Извне регулировались вопросы нравственности и права. Несмотря на все отклонения власти от высших норм, от нее всегда ждали справедливости и нравственного поведения; она же, подобно отдельному человеку, то отклонялась от них, то снова к ним возвращалась. Именно на этом пути проб и ошибок уже со времен древней Греции было изобретено и испробовано множество систем управления; демократических, теократических, либеральных, олигархических и т.д.

К концу Кали-юги человеческое, личностное целиком заполнило институт власти, а мир как бы **вывернулся наизнанку**. Что прежде составляло внутреннее человека, обступило его извне. Обычно подобная метаморфоза совершается в момент смерти или при переходе через Порог сверхчувственного мира. Так вот, в XX веке человечество переступило этот Порог! Вся неочищенная, инстинктивная природа человека теперь обрушивается на него извне. Произошло это потому, что человек созрел для свободы, для полного индивидуального самоопределения. Внутри себя он должен теперь находить и доброго крепкого управителя, и нравственное существо, и законодателя эстетического вкуса. Все прежние внешние подпорки пали. Какие бы старые социальные структуры теперь ни пытались реставрировать, все они будут нести только зло. Повсюду в мире институт власти заполняют преступные группировки. Массовая культура насаждает безнравственность, развращает, растлеивает, истребляет всякое чувство прекрасного. Безнравственный характер принимают духовные движения и сама религиозная жизнь. Институт права творит произвол. И все это принимает **тотальный, планетарный, перманентный** характер. И так будет впредь, ибо мы вляемся свидетелями зарождения злой расы.

Искать что-либо в противовес этому можно только **в индивидуальном** начале **отдельного** человека. Приходящие постепенно к духовной свободе индивидуальные люди должны теперь быть **всеопределяющим началом** при образовании социальной структуры общества. Вот чем обусловлена необходимость социальной трехчленности. Ей нет альтернатив. В свою очередь, и в АО смысл имеет только то, что считается с "вывернутым" наизнанку миром, с миром, переступившим Порог, когда бывшее внутренним стало внешним, а внешнее — внутренним. То есть **все былое Божественное**

водительство человеку теперь надлежит искать внутри себя, как свое высшее достояние, и им определять все внешние отношения. Вот почему Рудольф Штайнер и сказал, что впредь "все должно основываться на реальном человеческом отношении".

Создание нашего Общества не завершено. Поэтому мы должны жить **ожиданием** прихода великого Посвященного. А до той поры делать то, что он научил нас делать: изучать Духовную науку, работать над собой, строить социальные отношения, отношения братства и духовной свободы, нести Антропософию в мир, во всю полноту человеческой жизни. Ни на какие компромиссы с силами распада и умирания нам идти нельзя. Идеологии приходят и уходят, то же самое — и приступы массового умопомешательства, а Антропософия остается, ибо она знаменует собой начало эпохи осуществления Христианства.

Среди первых московских антропософов в момент тяжелого испытания, которому был подвергнут весь наш народ, было высказано мнение, что Антропософия видит "величие задач" советской власти. Страшно подумать, что было бы, если бы большевики догадались поддержать такое мнение.

Так давайте учиться хотя бы на горьком опыте. Придет время, когда станет прошлым то, что назревает теперь как еще одна мировая катастрофа. Люди обретут условия для свободного духовного развития. И добрым словом помянут они всех нас — кто не утратил верность духу и имел смелость бороться за истину до конца. В Писании сказано: "Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков" (I Кор. 7.23). Аминь.

Вместо заключения

Процесс распада в Обществе все убыстряется. Приехав в июне 1993 года в Дорнах, я столкнулся с новым обескураживающим сюрпризом. В течение последних 4—5 лет, как бы уже по заведенному порядку, всем антропософам из Восточной Европы, посещавшим Дорнах, для участия в конференциях выдавался бесплатный абонемент. Думаю, нет нужды объяснять, что в условиях глубокого хозяйственного и финансового кризиса, в который ввергнуты страны этого региона, возможность бесплатно посещать мероприятия в Гетеануме была непременным условием нашего участия в антропософской работе во время великих праздников года. И вот теперь это правило отменили. Мне объявили об этом в Tagungsburo Гетеанума. Мы должны теперь оплачивать половину стоимости абонемента. В моем случае эта сумма составила 200 швейцарских франков. Чтобы летом 1993 г. купить их в Москве (а где еще их взять?), нужно было заплатить 140 тыс. рублей — полную зарплату за 8—9 месяцев! Дело при этом заключается не просто в нашей бедности, а в несопоставимости наших миров: Восточной и Западной Европы. Живя, например, в Москве, мы, несмотря на большие трудности, все же в состоянии посещать и театры и концерты. С другой стороны, если бы билеты на конференции в Дорнахе стоили 20—30 тыс. немецких марок (я исхожу из восьмимесячной зарплаты в Германии), то, несомненно, ни единой души не приехало бы в Дорнах. Дело, таким образом, сводится к мышлению и поступкам, адекватным социальной действительности .

Вспоминаю, как еще лет 25 тому назад первые антропософы, приехавшие с Запада в Россию, рассказывали нам о Гетеануме, о Драмах-Мистериях, идущих на его сцене. В ответ на наши вздохи, они говорили: "Лишь бы вас выпустили из страны, а там никаких проблем вы бы не знали". Но нас не выпускали, и мы, как говорится, шли своим путем: читали Драмы-Мистерии вслух и даже пытались сами их играть в условиях малогабаритных квартир. Но вот времена изменились. Нас начали выпускать, и обстоятельства сложились так, что мне, например, удалось приехать в Дорнах именно в тот момент, когда там ставились все четыре Драмы сразу. Это был первый и, думаю, последний шанс в моей жизни. Но мне дали от ворот поворот в самом Дорнахе! — Какой-то устрашающий символ.

Друзья попытались мне помочь. Они пошли к одному чиновнику, который распоряжается фондом, учрежденным немецкими антропософами специально для того, чтобы помогать нам, гостям из Восточной Европы. Чиновник сказал так: "Пусть сначала покажет абонемент на конференцию, тогда получит деньги, и то не сейчас, а позже; мы еще посмотрим; а то приезжают тут всякие, деньги получают, а на конференции не ходят". Наверное можно было бы все-таки упрямить чиновника, найти людей, которые клятвенно поручились бы, что я не обманщик и т.д., но я этого делать не стал.

Когда в Гетеануме шли Драмы-Мистерии, я гулял вдоль дороги, ведущей к южному входу (ложе). Вся она была плотно уставлена машинами. Роскошные крутозадые "BMW", "SAAB'ы" демонстрировали полное равнодушие к моим печальным размышлениям. Но какой с них спрос, они же — машины. Однако, что происходит с людьми? — думал я. — Ведь дело теперь заключается не просто в том, что отныне от участия в антропософской работе в Дорнахе устраняется вся Восточная Европа; на самом деле все будет еще хуже: нас теперь разделят на "нужных" и "ненужных", на "своих" и "чужих". "Нужные", "свои", конечно, как ездили сюда, так и будут ездить, только станут еще послушнее, чем прежде. Для них и билеты останутся бесплатными, и деньгами помогут. Под остальных, вроде меня, подводится так непосредственно выраженный чиновником силлогизм:

некоторые антропософы из Восточной Европы обманщики;

этот антропософ из Восточной Европы;

поэтому скорее всего он обманщик.

Силлогизм заслуживает того, чтобы быть сохраненным в анналах истории Антропософского Общества. Слышу, как кто-то из антропософских "благочестивцев" энергично возражает мне: Но у Гетеанума действительно нет денег! — Неправда! Миллионы тратятся на бесконечное бетонирование, возведение каменных лесенок, железобетонных скамеек, на покупку новейших компьютеров для выполнения работ, где и карманного калькулятора много, и т.д. Неужели живое взаимодействие людей менее ценно, чем блистательные подъездные пути для автомобилей к Гетеануму или скамейки, на которых впору ставить саркофаги египетских фараонов? А еще мне назидательно говорят: "Вот, видишь, как плохо обманывать! Кто-то из ваших обманул, а доверие подорвал ко всем". Но и это неправда. Я знаю десятки функционеров в Антропософском

Обществе, которые давно и безнадежно подорвали к себе всякое доверие. Однако, поскольку они обладают властью, никто в их адрес не смеет издать даже слабого писка.

Наконец, последняя социальная "зарисовка с натуры" из серии, так сказать, "Goetheanum-Begegnungen", "Foyer". Наш герой — Ганс Хаслер, типичный представитель бюрократической элиты Всеобщего Антропософского Общества 90-х годов. Это человек целеустремленный, собранный, предприимчивый, жестокий. Когда его возвели в должность начальника всех работ в Гетеануме и вокруг него, то первым делом потребовал себе индивидуальную виллу из резерва жилой площади, принадлежащей Гетеануму. Ему ее тут же предоставили. Правда, она оказалась занятой — ее снимала антропософская семья с детьми — фактически, духовные сестры и братья г-на Хаслера. Но "братьев и сестер" попросили убираться, а когда к назначенному сроку они не успели подыскать нового жилья, им пригрозили полицией. Теперь виллу (Дорнекштрассе, 47) обновляют и роскошно благоустраивают — за счет Гетеанума, разумеется.

Если на фоне всего этого мы зададимся вопросом: а что думает г-н Хаслер по поводу таких антропософских понятий, как карма, реинкарнация, камалока? то ответом будет: они для него, скорее всего, — пустые оболочки, "имена". Ибо он, если судить по его делам, прирожденный номиналист; хотя вполне возможно, что в существование "Великого Архитектора Вселенной" он верит.

Зарисовок подобного рода можно сделать в Антропософском Обществе множество, и все они сходятся на одном вопросе: Почему люди этого сорта распоряжаются нашей духовной работой и даже определяют ход нашей судьбы? **Именно по их вине мы, носители и представители идеи социальной трехчленности, создали в самом центре Европы микромодель государственного капитализма большевистского образца.** Но подобие идет дальше. Эпоха перестройки для бывшего Союза означает закупку западным капиталом всей гигантской страны вместе с ее природными и человеческими ресурсами. Что-то подобное началось и в АО, особенно в Дорнахе. Задуманная реконструкция всего дорнахского холма (в Москве задумано два района превратить в подобие Бродвея, что, как подсчитано, обойдется в 60 млрд. долларов) обойдется примерно в 60—70 млн. швейцарских франков. Где предполагается достать такие деньги? С помощью грошовых аукционов? Членских взносов, как известно, едва хватает на содержание администрации и текущий ремонт. [*примечание автора: См. ежегодные, составленные с астрономической точностью, балансовые отчеты г-на Рольфа Керлера.] Может быть, у американских миллиардеров? Но то люди известного толка: за что они платят, то им и принадлежит. Одним словом, нам пора подумать о том, как бы наш Гетеанум с Обществом впридачу (со всеми его духовными и человеческими ресурсами) не был пущен с молотка на том "аукционе", где в качестве товаров выставляются государства и даже целые континенты. Покупатель, можно не сомневаться, найдется. Говоря это, я не лью воду на мельницу "правых", ибо на том "аукционе" правые и левые выступают в полном единстве. Это только на уровне прессы, в том числе и такой, как "Фленсбургские тетради", "Ди драй", "Инфо-драй" и т.п., они ведут непримиримую борьбу.

Я советовал бы западным антропософам почаще наезжать в Дорнах и повнимательнее созерцать все там происходящее. Гетеанум духовно пустеет, а весь план перестройки

превращает дорнахский ансамбль в архитектурный макет, где все идеально подогнано, "вылизано" и — условно, лишено жизни. Но, да поймут меня все-таки правильно: не о критике и не о критичности идет нынче речь, а **о жизни и смерти Антропософского Общества и всего Антропософского Движения.**

Размышляя о безобразном поступке правления, осквернившего прах Рудольфа Штайнера, задаешь себе вопрос: но какова тут была первопричина? Ведь деяния тьмы всегда **вторичны**, и уж совершенно бессущностны дела людей, подпавших ее власти. Так почему такое все же могло совершиться? И тогда вспоминается морской закон, по которому **капитан последним покидает тонущее судно**. Какие бы ни высказывались соображения о том, как кого следует хоронить, при сложившихся обстоятельствах было важно, что урна находилась в Гетеануме. Души, покинувшие земной план, остаются в особенно тесной связи с местом погребения тела, не говоря уж об особых телах, осененных Духочеловеком. Не обязательно было хранить в Гетеануме сотни урн. Там должна была оставаться — и не под замком, за толстой дверью — урна Рудольфа Штайнера и нескольких его ближайших сподвижников. Но вот они ушли от нас. Через год-два грунтовые воды унесут с дорнахского холма последние остатки их праха. В таком положении у нас как-будто бы нет других забот, как только, собрав все силы и средства, превратить Гетеанум и его окружение в идеальный музей-памятник. Всем, кто не желает этого делать, необходимо собрать все силы для того, чтобы в конце концов прийти к честному, отвечающему социальной действительности мышлению и к действиям, происходящим из него. Предложить образцы такого мышления было задачей этой книги. Рассчитывать на широкое понимание при этом не приходится, иначе книгу было бы незачем писать — положение дел в Обществе тогда было бы иным.

И остается еще один вопрос: **Как отстаивать духовную свободу?** Ее нужно отстаивать постоянно. В Европе на каждом шагу имеется фотокопировальная техника, а в самиздате ходит обширная литература. Так размножайте ее, читайте, думайте о ней, дискутируйте, пишите и написанное пускайте дальше в самиздат. И пусть это ходит по всей Европе, по всем ветвям и Обществам. Или, например, магазины не хотят продавать ту или иную книгу, — заказывайте ее в издательстве или у автора, а магазины бойкотируйте за наведение цензуры. Если они считают правомерным продавать №41 "Фленсбургских тетрадей", а книгу Бернарда Шауба — нет, то это, по типу, советские магазины. То же самое следует думать и о многих, называющих себя антропософскими, издательствах и газетах.

Ложные идеи, если они появляются, нужно опровергать, а не запрещать. **Запрету подлежат только безнравственность, пошлость и цинизм.** А им у нас дают свободный ход. Если мы хотим духовной свободы, то нам нужно взять на себя труд постоянно бороться за истину. Борющийся же за нее обязан интенсивно изучать Духовную науку, постигать ее и умом и сердцем, приводить в соответствие с нею весь образ жизни. А еще нам необходима здоровая, сильная, содержательная критика. Мы добровольно сходимся в ветвях, в национальных обществах, в группах и не замечаем, как их постепенно превращают в некоего рода духовные **резервации**, окружают "колочей проволокой" цензуры, запретов, замалчиваний, а нас усыпляют и приучают к диктатуре. Не следует умиляться и показной, часто просто циничной критичности молодой поросли

"наших" журналистов и журналистиков. Все эти поборники демократии, борцы с расизмом, апологеты сексуальной распущенности, —они ни в коей мере не либералы, не демократы, а насильники. Они знают и страх, и дисциплину, и подчинение.

"Свободолюбием" таких людей сейчас переполнен весь западный мир. За ними стоят суровые "дяди", держащие всех этих "смелых" до первого настоящего окрика критиков за шиворот, словно котят. Лишь в нашей среде им нет удержу. Еще в начале века Рудольф Штайнер говорил о черной магии журнализма. Так чего же нам ждать в его конце? Конечно, можно было бы оградить от него хотя бы наше движение. Но ныне остается принимать то, что есть.

Положение, несомненно, серьезное, очень серьезное. Нас гонят уже не на два, а на четыре острия, и порой может даже возникнуть впечатление, что выхода вообще нет. Но это лишь означает, что в наше апокалиптическое время, в преддверии скорой инкарнации Аримана лишь апелляцией к высшему духу, ко Христу в Его Втором Пришествии может спастись человек. Поэтому **будем бодрственно стоять в современности.**

Примечания

[1.](#) "Минувшее", стр. 52.

[2.](#) Там же.

[3.](#) "Mitteilungen", №82, 1977.

[4.](#) Flensburgerhefte, №32, S. 133.

[5.](#) Bernhard Crom, Anthroposophie und Christentum, München, 1989.